

ЯНЭЭОН

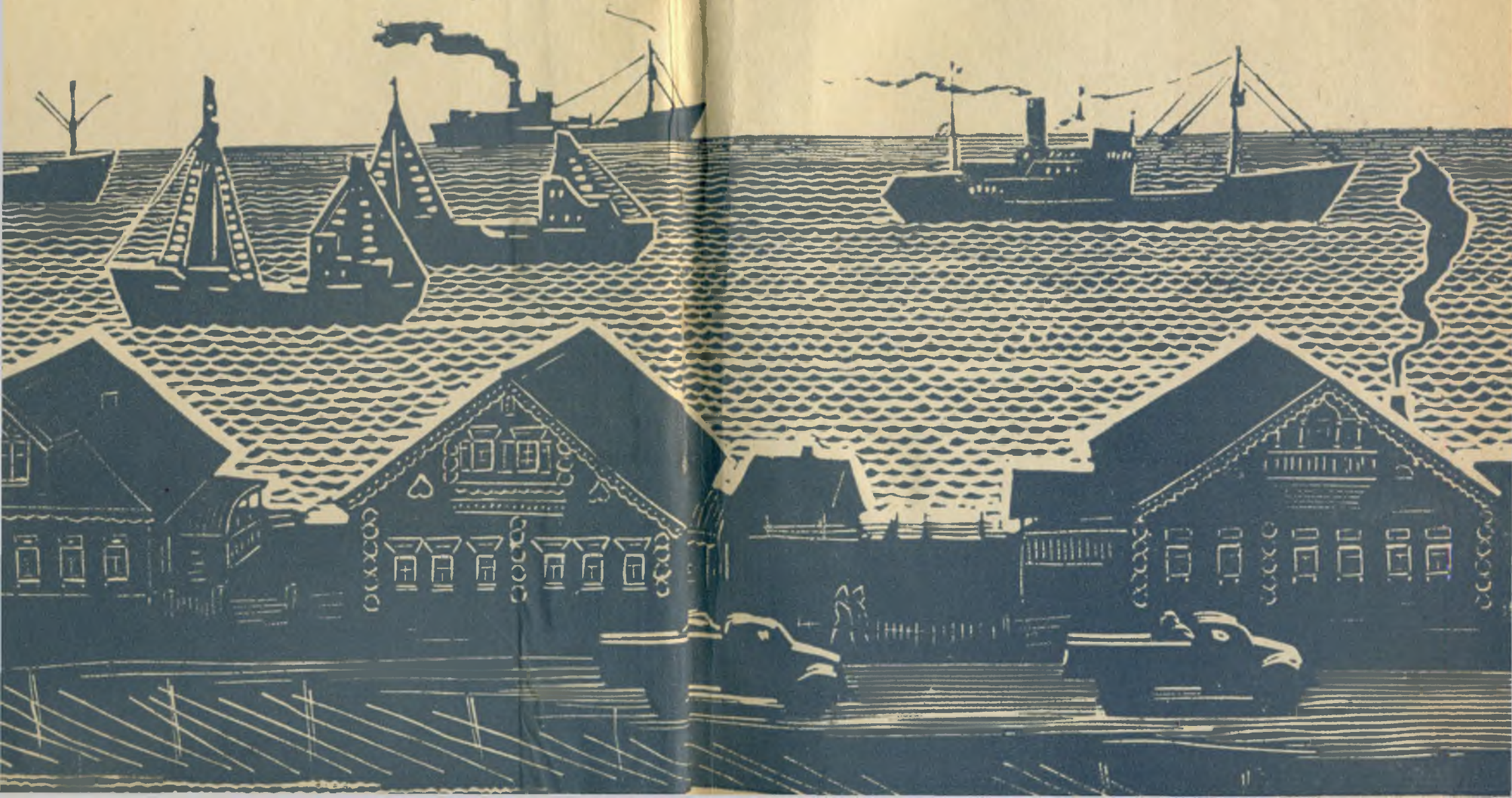
рс

п67

569634

СЕВЕРА

ПОЭЗИЯ СЕВЕРА

569634

ВОСТОЧНАЯ
областная б-ка
им. И. В. Бабушкина

АРХАНГЕЛЬСК • 1966

Редакционная коллегия:

**С. В. Викулов, В. В. Гура, Е. С. Коковин, А. И. Лёвушкин,
А. А. Романов, Г. И. Суфтин**

Сборник «Поэзия Севера» издается на общественных началах.

ПОЭЗИЯ СЕВЕРА.

Редактор **В. К. Лиханова.**
Оформление художника **В. В. Кошелева.**
Художественный редактор **В. С. Вежливцев.**
Технический редактор **Н. Б. Буйновская.**
Корректоры: **М. М. Михайлова, А. А. Фонтейнес.**

Сдано в набор 16/VIII 1966 г. Подписано в печать 19/XI 1966 г. Форм. бум. 70×90^{1/16}.
(бумага офсетная). Физ. печ. л. 13,5 — 4 вклейки. Усл. печ. л. 16,052. Уч.-изд. л. 9,919.
Тираж 15 000. Сл. 00144. Заказ № 1976. Цена 69 коп.

Северо-Западное книжное издательство,
Архангельск, пр. П. Виноградова, 76.

Типография им. Склепина,
Архангельск, набережная В. И. Ленина, 86.

Эта книга необычная.

Ее писали ни много ни мало, а ровно пятьдесят лет поэты Советского Севера. Здесь собраны их наиболее яркие строки об отчем крае и нашем героическом времени. Можно сказать, что эта книга — поэтическая летопись великого преобразования русского Севера за полвека Советской власти. Здесь все, до последней строки, продиктовано истинной любовью к Родине и гражданским соучастием в ее больших делах. Книга пронизана пафосом революционной борьбы, романтикой суровых будней северян, задушевым лиризмом.

Пятьдесят лет...

...Давно поперхнулись пушки англо-американских интервентов, сброшенных в Белое море железным натиском народа, давно рассеялся дым потайных кулацких обрезаев на путях-дорогах красных активистов, давно отбурлили бессонные деревенские сходки в пору коллективизации, давно поднялись в лесной глухомани мощные комбинаты и заводы — первенцы пятилеток...

Историей стало и более близкое к нам, но такое же легендарное, полное горя и побед время Великой Отечественной войны, когда и наш Север был фронтом борьбы против гитлеровцев. И той поры потрясающие картины: смертельные бои под Волховом, Ленинградом, на всем Северо-Западном направлении вплоть до мурманских берегов; каменная непреклонность солдаток, взваливших на себя заботы о снарядах и хлебе; тревожная тоска деревенских улиц в ожидании солдатских писем и сводок Совинформбюро — уже отодвигаются годами в прошлое.

Но Поэзии подвластно и время и пространство. Она, как провод высокого напряжения, несет в себе заложенную мастером энергию чувств и мыслей. Поэты пишут историю своего времени и своего поколения, и эта книга — тому пример. Здесь отразились пять десятилетий советской жизни в самой своей сути и достоверности.

«Народ, — писал А. М. Горький, — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый»

источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт...»

Север Руси издревле был краем редкостной народной поэзии. Суровое Белое море, раздольные Северная Двина и Сухона, неохватные просторы с темными гребнями ельников, с веселыми рощами березняков, с пахучими сосновыми борами манили русского человека. На крутых берегах зеленых рек воздвигались городища и селения, рубились из кондовой сосны дивные по красоте часовни. Все было созвучно великому северному простору.

А по весне мерцали здесь белые ночи, летом ярко краснели ягоды, а в зимнюю стужу вспыхивало окрест поразительное полярное сияние. Все кругом таило в себе тонкую поэзию. И это, естественно, не могло не отозваться в душе русского человека, на редкость чуткого к жизни природы и красоте ее. То ли синие леса напели, то ли рослые травы нашептали, то ли брусничные зори навевали, но родилась в здешних краях истинная народная поэзия. Родники ее и сейчас щедро бьют.

Поезжайте, скажем, на Печору — там в деревеньках отыщете безвестного сказителя или плакальщицу; побродите по архангельским проселкам — сердце стронется с места от искрометного говора и необыкновенных по ритму и складу песен; побывайте на Сухоне — по берегам ее, куда ни ступи, — звонкие, раскатистые частушки, каждая строка в которых — чистое золото.

Чарующа северная сокровищница народного творчества. И из нее черпают вдохновение и силу наши поэты.

За годы Советской власти одно за другим появляются в северной литературе новые поэтические имена. И каждый из поэтов несет свое видение нового мира и свой северный мотив.

Наиболее самобытно отозвался Север в поэзии Александра Яшина. Со страниц его книг слышится окающий говорок земляков — колхозников, лесовиков, охотников, деревенских солдаток. Поэт умело передает — и ритмически, и словесно — колорит своего родного края, рассказывает о нем любовно и вдохновенно.

Драматически, событийно выразил Север Иван Молчанов. В его стихах ощущается буревой ветер первых лет революции. встают картины преображенного края.

Проникновенные, идущие от сердца строки посвятили отчим местам Анатолий Ольхон (Пестюхин), Александр Чуркин, Сергей Орлов. Это преимущественно лирическая струя в поэзии о Севере.

Из года в год, от поколения к поколению передается поэтическая эстафета, и конца ей, конечно, нет. Так рождается своеобразное творчество, полное северного дыхания, Павла Кустова, Владимира Мусикова, Сергея Викулова, Николая Кутова, а вслед за ними — Ольги Фокиной, Александра Романова и других поэтов.

Необыкновенно велика и богата русская поэзия. Добавить к ней хоть одну строку — дело очень трудное. И тем не менее творения многих поэтов-северян звонким и живым ручейком вливаются в мощный поток советской литературы.

В этой книге представлены все наиболее известные поэты Севера, разные по литературному опыту, возрасту, дарованию. Творчество их, собранное воедино, звучит вдохновенным гимном Советскому Северу, его природе, его замечательным людям — строителям новой жизни. Эта поэтическая книга многоцветна и ярка, как сполохи северного сияния.

СЕРГЕЙ БАРЕНЦ

Двадцатилетним юношей приехал Сергей Баренц в 1933 году из брянских лесов в Архангельск, здесь он окончил лесотехнический институт и работал до начала Великой Отечественной войны. В Архангельске опубликовал свои первые стихи.

В годы войны Сергей Баренц — специальный корреспондент армейской газеты. За участие в боях он награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды и несколькими медалями. Сейчас продолжает работать в центральной военной печати.

С. Баренц — автор двух поэтических книг «Родное и близкое» и «Под небом журавлиным».

БЕЛОМОРЬЕ

Распластали крылья зори.
Ох, и крылья широки!
Это — наше Беломорье,
Красногорье,
Краснозерье,
Запах хвои и трески.

Тут шумит тайга густая.
А на Северной Двине
Ты увидишь, как, сгорая,
Обжигая,
Зори тают
На встревоженной волне.

К нам в Архангельск,
В Холмогоры
Едут люди дальних стран.
Здесь услышишь о поморах —
В деле спорых,
Шибко скорых,
Что ходили на Грумант.

А живая песня-птица
Прилетит — звенит душа!
Белой ночью молодицы
В Золотице,
В Бакарице
На свиданье с ней спешат.

Этой песне сердце вторит
На делянке, у костра.
С ней на стройках и в дозоре
Беломорье,
Краснозерье —
Навсегда мне близкий край.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

Родился в 1939 году в Белозерске Вологодской области. В 1963 году окончил Вологодский педагогический институт. Два года служил в армии на Севере, а в 1965 году вернулся в родной Белозерск, где и работает сейчас в районной газете.

Стихи Л. Беляева печатались в коллективных сборниках «Новые встречи», «Север», «Крылья крепнут в полете», изданных в Вологде. В 1966 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла первая книжка его стихов «Тополя роняют пух».

В ЛЕСУ

Знаю: зимний день короток.
Потому — лишь рассвело —
Отворяю я ворота,
Выезжаю за село.
Будто пролили чернила —
Лес и густ и черносинь.
Это сумрак породнил их,
Краски сосен и осин.
Но фотограф-день умело
Проявляет снимки те,
На которых первым делом
Он березки, будто мелом,
Отмечает в темноте.
Все отчетливее снимки.
Воздух ясен и высок.
На деревьях снег, как сливки,
Хоть обмакивай кусок.
Лес гудит, морозом скован,
Только что мне этот гул.
Я бы месяц, как подкову,
Для любимой разогнул
Прямо голыми руками.
Для начала ель качну,
Перекликнусь с мужиками,
Скину ватник и начну
По стволам застывшим бухать,
Чтобы снежные пуды,
Начиная с веток ухать,
Разлетались белым пухом,
Блеском солнца и слюды...

ЭМИЛИЯ БОЯРШИНОВА

Родилась в 1928 году в Ирбите Свердловской области в семье учителей. Но все детство ее прошло на Севере, в поселке Лименда Архангельской области.

После окончания Московского библиотечного института была направлена на работу в Свердловск. В 1953 году поступила на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. А в 1959 году, который был годом окончания института, в Свердловске вышла первая книжка ее стихов — «Утренняя песня». В 1964 году в Архангельске издан второй сборник стихов Э. Бояршиновой — «Девчонка, которая дарит цветы». Третья книга лирики «Через грозу» выпущена Средне-Уральским издательством в 1965 году.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЛИМЕНДУ

А какие у нас снега!
Глубоки снега — тонет дерево.
Как поет в декабре пурга!..
Я скучаю в Москве по Северу.
По былинным его лесам,
По березкам в платицах ситцевых..
Вот поедем — ты будешь сам
Листья осени перелистывать.
А какая у нас весна!
С половодьями да разливами..
Ломит синие льды Двина
И несет их легко, счастливая.
А в июне река — красота!
Ни в стихах, ни в книжках не вычитать.
Вот поедем в наши места
И пойдем рыбачить на Вычегду.
Ничего-то не знаешь ты:
Там уж если заря — так зарево!
Там смолисто пахнут плоты,
И гудки над рекой разговаривают.
Мы пойдем смотреть на затон,
Где колдуют судостроители.
Знаю, встретит меня, смущен
Школьный друг в капитанском кителе.
Белый китель — особый шик.
Рядом с ним ты — попросту модненький..
В нашей Лименде каждый — речник.
Все девчонки — невесты водников.
Поживи — и напишешь стихи,
Как грустят эти девушки славные,
Потому что их женихи —
Чуть весна — и уходят в плаванье.
Речникам буксиры водить,
Пароходы водить к морю Белому!..
И напрасно будет бродить
По ночам гармонь неумелая.

А ты знаешь белую ночь?
Нашу, северную именно...
Ты увидеть все это не прочь?
Так поедем со мною в Лименду!
Я тебя познакомлю с ней.
Ты прости мое красноречие:
Может, все на деле скромней,
Может, хвастать особо нечего.
У поселка, где я живу,
Нет геройского званья и ордена.
Только я не просто зову —
Приглашаю к себе на родину.

Говори мне
Разные слова...
Говори мне
Красные слова!
Не цветы
По праздникам дари —
В будни приходи
И говори.

Говори:
«Любимая»,
«Я твой»...
Песенкой зови меня,
Звездой...
И пускай
Календарю назло
К нам приходит
Красное число.

Раньше,
Чем огнем из-под ресниц,
Раньше словом трепетным
Коснись.
Подождал бы ты —
Не целовал:
Дай поверю
В красные слова!

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

Сергей Викулов родился в 1922 году в деревне Емельяновской Белозерского района Вологодской области в семье крестьянина. В 1940 году окончил Белозерское педагогическое училище и сразу же был призван в армию.

С декабря 1941 года и до конца войны был на фронте командиром взвода батареи и помощником начальника штаба полка. Награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями.

После войны С. Викулов окончил Вологодский педагогический институт, затем Высшие литературные курсы в Москве.

Первый сборник С. Викулова издан в Вологде в 1949 году. В Вологде и в Москве вышли также книги его стихов «Полюшко-поле», «Заозерье», «Деревьям снятся листья», «Хорошая будет погода», «Хлеб да соль» и поэтические книжки для детей «Случай на реке», «Захотелось Мишке молока».

Живет и работает в Вологде.

Оглядываюсь с гордостью назад:
прекрасно родовое древо наше!
Кто прадед мой? —

Солдат и землепашец.

Кто дед мой? —

Землепашец и солдат.

Солдат и землепашец мой отец.

И сам я был солдатом, наконец.

Прямая жизнь у родичей моих.
Мужчины — те в руках своих держали
то плуг, то меч...

А бабы — жены их —

солдат земле да пахарей рожали.

Ни генералов нету, ни вельмож
в моем роду. Какие там вельможи...
Мой прадед, так сказать, не вышел рожей,
а дед точь-в-точь

был на него похож.

И все ж я горд — свидетельствую сам! —
что довожусь тому сословью сыном,
которое в истории России
не значитя совсем

по именам.

Не значитя... Но коль неволю
терпеть ему обиды становилось,
о, как дрожать вельможам доводилось,
шаги его расслышав за версту!

Ничем себя возвысить не хочу.
Я только ветвь на дереве могучем.
Шумит оно, когда клубятся тучи,
и я шумлю...

Начать бы так стихотворенье:
«Я помню чудное мгновенье...»
Но было все совсем не так.

...В окопе перед наступленьем,
Курили молча мы табак.
Час оставался до сраженья,
А там (на то она — война!)
Кого-то спишет со снабженья
Навечно ротный старшина.

Но не об этом, не об этом
Все ж думал я...
Меня ждала
В краю, где тихие рассветы,
Девчонка нашего села.
Хорошие слова сказала
Мне на прощание она...

Вставал рассвет.
Грозя обвалом,
Плыла над фронтом тишина.
Часы показывали восемь.
Шепча проклятия врагу,
В окоп свалился письмоносец
С тяжелой сумкой на боку.
Конверт мне сунув:— Не иначе,
Как от нее опять, — сказал.
«Любимый мой!» — смеясь
и плача,
Я в первой строчке прочитал...
Но вот за дымным лесом где-то
Проснулся гневный бог войны,
И в небо красная ракета
Взлетела с нашей стороны.
Взлетела медленно, тревожно...

Я падал и вставал опять...
Я верил: счастье невозможно

Из тысяч пушек расстрелять!
А пули пели...

Мимо, мимо!

И мины падали в траву...
Я знал, что мне необходимо
Дожить, и верил: доживу!

Так день за днем...
В огне и дыме
Прошла зима, потом весна...
Все ж опоздал я...

Ты прости мне:

Четыре года шла война.
Где ты теперь? Кто мне
расскажет?

А впрочем, это все равно:
Я позабыл тебя. И даже
Все письма сжег. Давным-давно.
Забыл. Пришла пора иная...

Но я себе напрасно лгу:
Я,
О тебе не вспоминая,
О прошлом думать не могу.
Ведь ты со мною в дни ненастья
Была на линии огня...
А это... это было счастьем,
По крайней мере, для меня.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

М. Дудину

В день святого Пантелеймона
(Впрочем, тут ни при чем святой),
Повернувшись спиной к иконам,
Пили женщины, — дескать, что нам! —
Мутной браги хмельной настой.

Угощали друг друга рьяно,
Грубо, попросту, по-мужски.
Пели звонко, плясали пьяно
И смеялись до слез. С тоски.

А тоска велика, без меры.
Встанут в круг, подперев бока, —
Сами дамы и кавалеры,
Ни единого мужика.

Ну, хотя б один заваливающий,
Даже пусть инвалид какой.
Покурил бы, коли курящий,
Уцелевшей обнял рукой...

Нету! Даже за гармониста
(Научила всему нужда)
Тоже баба — толстушка Христа,
Радость горькая и беда.

Ах, и что за гармони были
Раньше — Христиной ли чета!
Где те парни? Одних убили.
А другие совсем забыли
Эти северные места.

Пляшут женщины: — Ах вы, сени!
Пой, тальяночка, норови! —
Шумно в горнице, а веселья —
Нет веселья, хоть впрямь реви.

Может, с песнею вдоль посада
Им пройтись бы — рука в руке —
И себя и свои наряды
Показать бы — да перед кем?
Ходят улицей, крутозобы,
Только куры да петухи...

Скучно: где же вы, хлебобобы?
Трудно: где же вы, женихи?

ДОСКА ПОЧЕТА

В комнате, где косточки на счетах
Целый день ведут веселый бой,
На стене висит Доска почета,
Почему-то в рамке голубой.

А на ней, достойны преклоненья,
Женщины. Четыре поколенья!
На груди — то брошка, то медаль,
То и ничего.
А на коленях —
Руки.
Не последняя деталь!

Не в сиянье нимбов божьи лики —
Смотрят на меня с доски,
Всемогущи и велики,
Более, чем боги, —
Мужики!

Смотрит на меня сама Работа.
Светлая — к чему ей позолота,
Гордая — ее я понимаю,
Разбитная — все ей по плечу!
Вот она какая...
Я снимаю
Шапку перед нею.
И молчу.

РУССКИЕ СКАЗКИ

О сказки! О бессмертные творения —
кудлатых предков наших сочинения,
на полках не лежавшие вовек!

Кто вас творил?
Доподлинно известно:
русоволосый, живший повсеместно,
с умом расхожим русский человек.
Творил стоустно, словно выбирал
правдивое, не мудрствуя лукаво.
Он, как творец, имел на это право.
Он все из жизни брал.
И если врал —
не из тщеславья, и не для успеха,
и не из лести — участи льстеца
в сем деле он не ведал...

Врал для смеха,
из озорства,
для красного словца!

Он был рабом, творец. Его пороли
и били в зубы смаху кулаком,
и в шею гнали, коль просил он воли,
и бранно называли дураком.

А он, дурак, был вовсе не дурак!
В своем углу, где крепок дух овчинный,
он хохотал над барами,
да так,
что тухли, в стенку воткнуты, лучины,
и лопались застежки на портах!
И слово —

все, чем он владел пока,
рождало эхо. Грохотало громом!
И поднимался во весь рост
над злом он
в обличии Ивана-дурака.

Он все умел, дурак, и все он мог!
И неспроста, играя опояской,
он ухмылялся в ус: мол, сказка-сказкой,
а дело-делом!.. Дайте только срок.

ОСЕНЬ В БЕРЕЗОВОЙ РОЩЕ

Сквозь чащу леса поределую
один, за ветром по пятам,
пришел вчера я в рощу белую,
а там — гуляние...

А там
березы водят хороводы:
октябрь — а им и горя нет!
И — мать честная! —

вижу, моде
и у берез на рыжий цвет,
и у осин...
Над всем пространством
и бронзы отблеск, и огня.

Лишь ели с мудрым постоянством,
темнея, смотрят на меня,
как будто шепчут: «Не надолго...»

Но их не слушают, легки,
березки! Сыплют из подолов
на плечи елям пятаки.
Сорят налево и направо:
мол, все равно, идут года.
То было рано, было рано,
а будет поздно— что тогда?

И принимаются раскачивать
опять
 свой белый гибкий стан,
от чувств пьянея нерастраченных,
пустив по ветру сарафан.
А то, обнявшись,
 станут парами
и зябко песню заведут,
как на деревне девы старые,
что все еще
 чего-то
 ждут...

ДОРОГА

Из поэмы „Трудное счастье“

Вскинув голову рискованно
Левым глазом к седоку,
Стучает копытом кованым
Жеребец по передку.
Взад-вперед ушами шастая,
Настороженно храпя,
Он играючи грабастает
Путь-дорогу под себя.
И швыряет снег спрессованный
В сани, гриву распластав.
Весь как будто нарисованный —
От ноздрей и до хвоста.
Прячутся от ветра встречного

За спиною старика
Две подруженьки сердечные,
Разрумянившись слегка.
А старик, хоть с виду слабенький,
Натянув вожжу к плечу,
Им кричит: — Держитесь, бабоньки,
Как на свадьбе, прокачу! —
Через поле, краем озими
Правит он: — Ходи, дружок! —
Взрезан тонкими полозьями,
Мягкий вьюжится снежок.
Под крутой дугой, губатая,
Пляшет морда жеребца.
И под стеганою ватою
Бабы екают сердца.
Страшно им и любо-дорого!
Поле. Снег. Бельм-бело...
— Не замерзла ли, Егоровна?
— Что ты, Павловна, тепло! —
В санках крепкий запах клевера.
Словно башни, вдоль пути
Встали ели — стражи Севера.
Каждой по сто лет, поди.
Хорошо в санях под сенью их
Прокатиться с ветерком!
Ведь в распутицу осеннюю
Тут с трудом пройдешь пешком,
Даже в пору сенокосную
Через эти вот леса
Не дороженька колесная,
А препятствий полоса.
Пролегла она округою
До райцентра, всем нужна,
Тыщу раз мужицкой руганью
Выслана, замощена.
Но зато зимою, узкая,
Белоснежная, она
Вся отрада сердцу русскому,
И надежна, и ровна!
Пухом стелется дороженька.
В уголок уткнись плечом —
Вспоминай о том, что прожито,
Коли вспомнить есть о чем...

ВОСПОМИНАНИЯ

— Гей вы, ну ли! —

И вдоль посада

Кони ринулись, не унять.
Сани кованые, что надо.
Дуги крашенные — на ять!
А на дугах — «скупиться неча!» —
Ленты шелковые кипят.
Звон бубенчиков, блеск уздечек,
Суматошный галдеж ребят.
Встречный ветер до боли жалит,
Ветер жжет лицо без огня.
В шубах, в валенках, в толстых шалях
Чуть подвыпившая родня.
А жених — ни к чему и шуба! —
Словно в жаркий день во саду,
Знай целует невесту в губы
У всего села на виду.
Обнимает ее, бесстыжий:
«Пусть завидуют, пусть глядят!»
Алым мехом да чубом рыжим
Гармонист ослепил девчат.
Деревенские бабы чешут
От безделия языки:
— Ну и парень же, ну и леший!
Вот как женятся нонь сынки.
Ни венца, ни божьего страху:
Полюбилась — и покатыл.
Эку, гляньте, повез деваху,
Эку умницу окрутил!
Проворонили, проглядели
Нюшку наши-то молодцы... —
Анна Павловна! Неужели
Это было?

и бубенцы

Пели, белые от мороза,
Над тобою — слезу утри —
От «Звезды» — твоего колхоза—
И до самой его «Зари»?
Было!
Так же ушами прядал
На бегу жеребец шальной.

И сидел, улыбаясь, рядом
Тот, который тебя отрадой
Звал пока лишь, а не женой.
Как ты, Анна, его любила!
Взгляд отчаянный, зуб черен.
Очень много красивых было
На селе, да не так, как он!
Все дивились, как рядом шли вы,
Замечали за полверсты.
Много было девчат счастливых
На селе, да не так, как ты!
Тетки пели тебе:

— Обиду

Зря родителям не чини.
Пореви хоть чуть-чуть для виду,
Буйну голову наклони! —
Ты не спорила, нет. Однако
Не могла реветь все равно.
Разве могут глаза заплакать,
Если сердце смеха полно!

Без оглядки, легко и смело
Перешла ты чужой порог
В платье свадебном, в платье белом
И смеялась потом, и пела,
И плясала не чуя ног!
Не могла ты знать

и не знала,

Каблуками стуча дробней,
Что у вашего счастья мало,
Очень мало в запасе дней,
Что вам горе несет обоим
Грозовой сорок первый год,
Что лежит уж давно в обойме
Пуля та,

что его уьет,

Что война уже на пороге...
(И добро, что нам не дано
Знать, с какою бедой в дороге
Завтра встретиться суждено).
Отметелила в поле вьюга.
И опять загудел колхоз,

Отшлифованной сталью плуга,
Сталью гусениц и колес.
Пахло лето

здоровым потом,
Стружкой, скошенной травой.
По земле ходила

Работа

С гордо поднятой головой!
Многорукая —

еще дома

Были парни и мужики,
Развеселая —

еще вдовам

Не носил почтальон листки
С черной рамкой...

Ты помнишь, Анна
(Память та тебе дорога),
Как вставали вы раным-рано,
Молодые, и шли в луга,
Как свистели, росой омыты,
Косы ваши...

И как потом

Первый, общим трудом добытый,
Хлеб насущный вносили в дом.

Силой хвастая молодою,
Ставил муж мешок на попу,
Брал и нес его пред собою,
Шаг нарочно не торопя.

Руки мужа!

Они носили

И тебя. И в кольце тех рук
Очень маленькой и бессильной
Становилась ты, Анна, вдруг.

Эти руки могли бы гору

С места сдвинуть!

Все было в них:

Ласка добрая, и опора,
И защита от бед лихих.

И когда их не стало,

Сразу

Там, где трудно было двоим,

Дело всякое без отказа

Стали делать руки твои.

Ох, как ныли они!
А ночью
Непослушным карандашом
Выводили кривые строчки:
«Милый, я живу хорошо.
Ты не думай...»
А за порогом
Сорок дел и во всем нужда.

Хватит, память!
Не слишком ли много?
Всем ведь трудно было тогда.
Ну-ка, дед,
натяни поводья!
Ты лети, вороной, лети!
Сколько солнца в тайге сегодня,
Анна Павловна, погляди!
Ели плавятся, словно свечи,
Сосны вскинули шапки ввысь.
Ветер резче ударил в плечи...
— Эй, прохожий, поберегись!

АНАТОЛИЙ ГУСЕВ

Анатолий Гусев родился в 1932 году на Вологодчине, в лесной устюженской деревеньке Терентьево. После окончания средней школы служил на Балтике матросом, работал в Таллине журналистом, там же выпустил две книги стихов.

После этого он переехал в Вологду. Здесь написал и выпустил в свет свой последний поэтический сборник «Сигнальный огонь».

Умер в 1964 году в Вологде.

Россиянин я!
Из той деревни,
Что стоит на взгорке, у реки.
В той деревне девки —
все царевны,
Все цари
в деревне мужики!
Там березы — песни да любви —
Выбирают сами женихов.
Там богатырей
рожают бабы
На заре, под пенье петухов.
Вот мой край, таинственный, как чудо!..
Лепестками яблоней пыля,
Для меня свободная
отсюда
Круто начинается земля.
Вот моя отрада —
быль и небыль,
Шепот трав и шорох ивняка,
А над ними
в неоглядном небе
Бродят звезды больше кулака!
И чего бы ни случилось, друг мой,
И каким бы грустным ни был взгляд—
Только знай,
что уголочки клюквы
В том краю
Вовеки не сгорят!

Я по земле легко шагал,
Хотя легко мне не было.
Я людям сердце отдавал,
И ничего не требовал.

И песни пел не для того,
Чтоб кто-то вислоухий
Мне говорил:
 мол, ничего,
Валяй, мол, в том же духе.
Я просто их не мог не петь!
Они являлись сами
И начинали вдаль смотреть
Синими глазами.

И не погас я,
 не погас
Лишь потому,
 что просто
К моей душе любой из вас
Имел свободный доступ.

Я по земле легко шагал,
Хотя легко мне
 не было.
Я людям сердце отдавал
И ничего не требовал!

**ВАЛЕРИЙ
ДЕМЕНТЬЕВ**

Валерий Дементьев родился в 1925 году в деревне Каргачево на Вологодчине. С 1927 года родители переехали в Вологду, где В. Дементьев и окончил среднюю школу.

В 1943 году он был призван в Советскую Армию и после окончания саперного училища участвовал в боях на Карело-Финском фронте. После войны окончил Вологодский педагогический институт, а затем аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького.

В. Дементьев — кандидат филологических наук, член Союза писателей, член редколлегии журнала «Октябрь», автор книг «Заре навстречу», «Друзья», «Мои односельчане», «Степан Щипачев», «Поэзия и жизнь», «Голубое иго».

Вы видели, как умирали саперы?
Вы слышали, как умирали саперы?
Мгновенно — как писаря росчерк.
И смерти не было прощя.
Лишь вздрогнет от тяжкого грохота нива,
Развеется черная грива разрыва,
И каски подымут солдаты:
— Ну, кажется, живы, ребята...
А те, что со щупами шли перед целью,—
Летят облаками над рыжею степью,
Росой опадая кровавой
На горькие-горькие травы.
Они — уже комья тяжелые глины,
Они — уже в клетоте дальнем орлином,
И всплески волны у причала,
И сердца удары, и песни начало...
Вот так умирали саперы.

Обычно к ночи вызывал комбат.
«Участок разминировать вот здесь». —
На карте мне показывал квадрат,
Я отвечал ему негромко: «Есть».
Мы шли то луговиной, то леском,
Потом в окопах хлюпала вода.
И вот одним решительным броском
За бруствер, в ночь, незнамо и куда.
Здесь в каждой кочке притаилась смерть,
Здесь каждый камень разгляди в упор.
Цветам — не верь, самой земле — не верь:
Однажды ошибается сапер!
Но если я ночами проходил
По этим самым гибельным местам,
То, значит, очень землю я любил
И доверял ее простым цветам.

**ОЛЕГ
ДУМАНСКИЙ**

Родился в 1921 году в городе Владивостоке. Здесь же окончил среднюю школу и начал учебу в Дальневосточном политехническом институте, но в 1940 году был призван служить на флот.

В 1947 году окончил Ленинградское военно-морское училище и приехал на работу в Архангельск, с которым прочно связана вся его дальнейшая судьба. Здесь вышел сборник его стихов «Северный ветер». Здесь впервые прозвучали его песни, многие из которых вошли в репертуар Государственного Северного народного хора и других профессиональных и самодеятельных коллективов.

СТОРОНКА КОРАБЕЛЬНАЯ

Морей дороги дальние,
Просторы беспредельные...

И снова, долгожданная,
Ты издали видна.

Привет тебе, поклон тебе,
Сторонка корабельная!
Соломбала, Соломбала —
Родная сторона!

С тобой забавы детские,
С тобою юность связана,
Как сына, провожала ты
В походы моряка.
И пусть на картах Родины
Нигде ты не показана,
Но в самых дальних странствиях
Ты нам всегда близка.

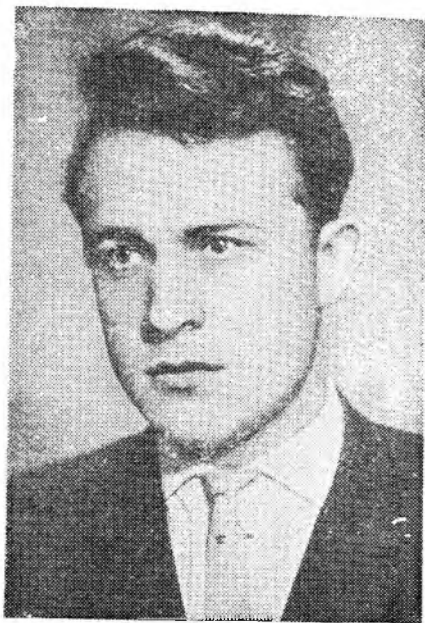
Пусть снова скоро в плаванье,
Опять пути безмерные.
Но всюду только гости мы,
А здесь — родимый дом.
Здесь — улицы привычные,
Друзья, подруги верные,
Роднее и дороже их
Нигде мы не найдем.

Морей дороги дальние,
Просторы беспредельные...

И снова, долгожданная,
Ты издали видна.

Привет тебе, поклон тебе,
Сторонка корабельная!
Соломбала, Соломбала —
Родная сторона!

НИКОЛАЙ ЖУРАВЛЕВ

Николай Журавлев родился в 1935 году в деревне Сверчково Ивановской области.

С семнадцати лет он работает в архангельских газетах. С 1954 по 1957 год — военный корреспондент. После демобилизации возвращается в Архангельск. Сейчас он — сотрудник областного комитета по радиовещанию и телевидению.

В 1962 году в Архангельске вышел первый сборник стихов Н. Журавлева «Песня любви», в 1965 году — вторая книга «Бухта желаний». Стихи его публиковались также в коллективном сборнике «Поэзия рабочих рук», выпущенном издательством «Молодая гвардия» в Москве.

ОЗЕРО ЛАЧЕ

На заре вызванивают птицы
Песню пробужденья своего.
Моет солнце в озере ресницы,
В родниковой свежести его.
Это здесь палачьими руками
Погребен Болотников в волне.
Не его ли сердце родниками
Закипело на озерном дне?
Может быть?

Да угадаешь, что ли,
Что за песня в глубине звенит?
Этот край —

Земля Каргун-Пуоли—
Строго тайны древности хранит.
Похохочут волны и поплачут,
Их пути-дороги далеки...
Наступают с запада на Лаче
В рыжеватых шлемах тростники.
А с востока

свежестью проточной
Родники вступают с ними в бой...
Западному берегу с восточным
Бесполезно мериться судьбой.
Не шагнет тростник через границу —
Просто сил не хватит у него...
Моет солнце в озере ресницы,
В родниковой свежести его.

ПОМОРЫ

К борту шхуны море льдины грудит,
Но не дрогнет в море ни один...
Кажется, что вышли эти люди
Из поморских сказов и былин.
Красота отважных в их движеньях,
Им большая выдержка дана.
И к ногам, не выдержав сраженья,

Ластится соленая волна.
А когда взъерошится, оскалась,
То, ее кипенью вопреки,
Молчаливо,
всем чертям на зависть
Выбирают тралы рыбаки.
Знают цену радости и горя...
Их полярным бурям не согнуть.
Быть такими —
Мало жить у моря,
Надо море сердцем зачерпнуть.

**ВИКТОР
КИСЕЛЕВ**

Виктор Киселев родился в 1918 году в Иркутске в семье железнодорожника. После окончания средней школы поступил в Архангельский лесотехнический институт имени В. В. Куйбышева и в 1942 году получил диплом инженера водного транспорта леса. До 1950 года работал в Архангельске на лесосплаве и в областном партийном аппарате. Здесь же, в Архангельске, развилось и поэтическое дарование Виктора Киселева, многие стихи которого посвящены Северу.

В. Киселев — член Союза писателей, автор двух поэтических сборников «Хороший обычай» и «Любовь — моя тайга», а также книжек для детей «Маринкины стихи», «Воробей в галошах», «Корова на колесах», «Не в зверинце, а в тайге» и приключенческих повестей «Третья ось» и «Золотой водопад».

КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА

Не жадным бриттам
И не алчным шведам —
России быть владычицей морей!..

Петровский замысел еще неведом,
И не сошли суда со стапелей,
Но скоро паруса подставят ветрам
Не ботики,
Не утлые челны,
А стройные фрегаты и корветы —
Непобедимый флот родной страны.
И чтоб веками не утратить славы
Российских корабельных мастеров,
Диктует Петр указ:
«Растить дубравы!..»

Еще не пробудился Петергоф,
А государь промеривает площадь
Саженым шагом
Вдоль и поперек:
«На месте сем — быть корабельной роще!
Потомкам нашим пригодится впрок...»

На зорьке стихла шумная дубрава,
Насторожился заповедный лес...
Взгляни вперед,
Налево
и направо,
Смелей проникни в этот мир чудес.
Вглядишься в густые синие потемки,
Где нет границы неба и земли.
И древних корабельщиков потомки
В дубраве снаряжают корабли.
Сук двухметровый выставив бушпритом,
Столетний дуб готов отдать причал.
А сосны-мачты с палубою слиты...
И, кажется, лишь прозвучи сигнал,
Как все деревья корабельной рощи
Из грунта вырвут корни-якоря.

И ветер буйно флаги заполющет.
Суда уйдут
В далекие моря!

ЭХО

Оно возникало
Из струй водопада,
Из горных обвалов,
Из рева зверей.
И было уныло,
Что не было рядом
Ни близких знакомых,
Ни дальних друзей.
И не было той,
Что совсем затерялась
За тысячей дней
И за тысячей верст.
Довольно унынья,
И к черту усталость:
Зовут нас дороги
На полюс,
До звезд.
Ни время,
Ни версты
Для нас не помеха.
Пусть город сожжен
И разбиты мосты.
Ты где-то поблизости,
Ты — мое эхо.
Я крикну,
И сразу
Откликнешься ты!

**ВИКТОР
КОРОТАЕВ**

Родился в 1939 году в городе Вологде. Там же окончил среднюю школу и пошел работать на производство. В 1958 году поступил в Вологодский педагогический институт на историко-филологический факультет. После института был призван в ряды Советской Армии.

Сейчас работает сотрудником вологодской молодежной газеты.

Первая книга стихов Виктора Коротаева вышла в 1962 году в Вологодском книжном издательстве. В 1965 году в Северо-Западном издательстве выпущен второй сборник стихов Коротаева «Мир, который люблю».

Идут груженные машины
В густой испарине дождя,
И, как натянутые жилы,
Моторы старые гудят.
Идут машины,
 жерла света
Уставив в черноту лесов,
Сползают в хлюпкие кюветы,
Ломают радуги рессор...
А где-то,
 блеска не роняя,
С одним лишь ветром на возу
Порожняки, во тьму ныряя,
Пронесаются на всем газу.
Летят прямым просторным трактом
Без напряженья и забот.
...О, жизнь моя,
Не дай мне так вот
Перелетать из года в год.
Пускай мне медленно и круто
Идетя общим большаком —
Со срываами,
 с надсадой лютой,
С потерей верного маршрута,
С грозой,
 с отчаяньем минутным,
Но только б —
 не порожняком.

Река работала, как лошадь
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,

И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги
Перед горушкой любой,
Мосты железные, как дуги,
Неся высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Поток за холку взяв рукой,
Стояли, будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте, словно в стойле,
Хотя б часок передохнуть.

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов, врачующих хворобы,
скрипачей,
 что так светло грустят.
Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды от смычков и книг
Забирают их военкоматы.
Вот и получают — солдаты.
Привыкают мальчишки к стрельбе,
Роят землю,
Мерзнут у орудий,
Зная, что солдаты — это люди,
Не принадлежащие себе.
Но шинель не на век тяжела.
Парни к пирогам и чистым блюдцам —
Нет войны — когда-нибудь вернутся.
Только бы случайность обошла.
Матери ж — как будто их сынки
Вызваны на срочные работы —
Гладят их рубашки по субботам
И ворчливо чистят пиджаки.
Спят. И снова ждут своих ребят.
Страшно не дожидаться им однажды.
Потому, любви и мира жаждая,
Матери рожают не солдат.

ВАЛЕНТИН КОЧЕТОВ

Валентин Кочетов родился в 1922 году в Липецке. По окончании Батумского мореходного училища в 1952 году он приезжает на работу в Архангельск и больше десяти лет плавает штурманом и капитаном на судах Северного морского пароходства.

С Архангельском связано и начало творческой биографии В. Кочетова. Здесь в 1957 году выходит его первая поэтическая книга «Любовь и море», а затем книжки для детей «Пароход» и «Кот-мореход» и сборники стихов «Закон моря» и «Золотица». Последняя книга выпущена Северо-Западным книжным издательством в 1965 году.

МАЯКИ

Маяки, друзья мои маяки,
где ваши верные суженые?
Вы, как заправские моряки,
с ветром бродячим дружите.
Вам, великанам, моря по колена.
Вам, великанам, тучи по плечи.
Видно, не зря
не одним поколением
профиль ваш в лоциях увековечен.
В просоленной бетонной робе вы,
от рожденья навек земные,
по прибору, по скалам бродите,
чутко слушая позывные,
чтоб однажды прийти на помощь,
где оскалился берег клыками,
и гореть, и в белую полночь
ухать, ухать колоколами...
Сторонятся вас моряки,
хотя и зовут вас друзьями...
Маяки, бетонные маяки,
а вам не трудно быть маяками?
Я знаю — грустите вы по-мужски,
одиноко в бессменном дозоре...
Не от вашей ли тихой тоски
набухают дождями зори?

Корабли умирают в муке,
вскинув мачты в небо, как руки.
Умирать им в безвестье не хочется,
но не всем выпадают почести.
Есть пределы износу стали...
Но измученные, но усталые, —
путь полегче не выбирают:
корабли большие и малые,

корабли молодые и старые
одинаково умирают.
Умирают. Так было. Так будет.
Умирают, стальные груди
распоров о гранитные скалы.
И пускай их не ждут пьедесталы —
по-мужски, только скрипнув цепями,
только хрустнув крутыми боками,
они молча идут на дно...
А стальным-то какими словами
с этой жизнью прощаться дано?..
Низко кланяюсь вам до земли,
беспокойные корабли,
безымянные корабли.

Белыми письмами,
белыми письмами
пароходы по Белому морю плывут.
Ты приснись мне,
прошу, приснись мне
хотя бы на пять минут.
Пять минут остается до вахты.
Пять минут...
Облака, как белые яхты,
по горизонту плывут.
Уплывают белые письма.
Вот и последнее скрылось...
Как просил я тебя,
приснись мне.
А ты не приснилась...

ЗОЛОТИЦА

Есть такой поселок — Золотица.
Говорят, — там сказка отдыхает.
Золотица, как перо Жар-птицы,
золотом на солнце полыхает.
Полыхают золотые кроны,
золотые мечутся метели.

У рябин— рубиновы короны,
чем не королевы, в самом деле!
А над ними — зори золотые,
и по солнцу в золотой руке.
Золотом ли, солнцем налитые,
ходят рыбы важные в реке.
А река слезой бежит по камушкам
и ложится золотом на мель.
Не сюда ли приходил Иванушка
за пером за тридевять земель?..
Здесь одна заря с другой целуются,
потому и ночи коротки.
А как зори вдоволь немилуются,
выгребают в море рыбаки.
Море строго и не любит хлипких,
больно бьет порою по рукам.
Ходят в море золотые рыбки,
не даются в руки рыбакам.
Где-то рядом, справа или слева,
золотом ли, солнцем налита,
ходит в море рыба-королева,
рыба семга, красная мечта.
Ту мечту покуда добывают,
руки в кровь о весла разбивают.
Видно, уж рыбацкий труд таков.
Видно, оттого-то и бывают
золотыми руки рыбаков.

ПОМОРСКАЯ СЛАВА

Русь згбитая,
слава позабытая...
Уходила слава
в поселенья дальние.
Угодила слава
в бунтари, в опальные.
Лапти за плечами
да топор за поясом —
добрела, отчаянная,
чуть ли не до полюса.
Соловки-соловушки,
Нерчинск и Алдан...

Белая головушка
не по годам.
Бабы голосили:
«Да пошто, услада?..»
Шла по России
опальная слава.
«Позорюй с нами.
Надолго ль? Далече?..»
Белыми крестами
путь ее отмечен.
Белыми крестами,
зорями красными.
Но остались с нами
глаза ее ясные,
чистые-чистые,
как речные заводи.
Торопились, истые,
отпевали загодя.
Думали, что там-то,
за чертой за той,
усыпить, как мамонта,
вечной мерзлотой.
Звезды — мимо, мимо —
проливным дождем...
Пусть их, милая, —
пождем.

ПОЛЕ ЛЮБЛЕННОЕ

*Памяти северян, погибших
на поле Любленном*

Поле-полюшко, поле Любленное,
сколько здесь парней позагублено
из-под Волошки, из-под Люблено,
сколько девушек недолублено...
Умирают парни. А сколько их —
старшина не возьмет в расчет.
Позасеяли поле осколками.
Что-то на поле прорастет?..
В запах пороха, в запах гари
прорастают иван-да-марьи,

и глядят на свет из-под каски
васильки да анютины глазки.
А над ними березки грустные,
звезды, звезды на всем пути.
Поле-полюшко, поле русское,
как не просто тебя перейти...

Расцветала зима
яблоневым цветом.
Как хотела быть зима
не зимой, а летом.
Выступали зори
в красной опояске,
в ледяное море
обронили краски.
Просыпалась зима
рано-рано.
Занимала сама
у зари румяна.
За деревней от зари
плавилась ели.
На деревьях снегири
яблоками зрели...
Как хотела быть зима
не зимой, а летом.
Отцветала зима
яблоневым цветом.

ГЕРМАН КРУТОВ

Родился в 1935 году в деревне Марково Вологодской области. Окончил железнодорожное училище. Работал слесарем на Вологодском паровозо-вагоноремонтном заводе. После службы в рядах Советской Армии был в экспедиции в Заполярье, а затем снова вернулся на завод.

Стихи Германа Крутова печатались в коллективных поэтических сборниках в Вологде. В 1964 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла первая книжка его стихов «Азимут».

СЕМГА ИДЕТ!

С бурной рекой
Силою мерясь,
Семга идет
На нерест.

Где нету хищниц,
Туда, туда,
Откуда лишних
Снесет вода.

Встал на пути
Грозный порог.
Не обойти —
Нету дорог.

Ей не манер
Искать проход.
Семга барьер
С ходу берет!

Пики гранита
Острей бороны,
Как динамитом,
Рвут буруны.

Можно ли ей
От всех отстать —
Высверк! Ей-ей,
Ракете под стать.

Четверть мили
Летит струя.
Натянуты силы,
Как струна.

Чем-то резнуло
Под ребро,
Только брызнула
Серебром.

В жабры рваные
Бьет волна.
Семга ранена,
Но сильна.

Есть упорство.
Опять разгон —
Все потомство
Кладет на кон.

Нет, обратно
Летит плашмя.
Рвется насадно,
Прошла...
Прошла!!!

ГОРНЯКИ

Наше дело простое,
Проще пареной репы:
Заложили взрывчатку,
Запалили шнуры...
И глядишь, за минуту
Наворочает столько —
Не сработать за смену
Горняку-силачу.
По дробленой породе
Загremели лопаты,
А споткнется лопата —
Есть кайло-самокал.
Загорелись ребята,
Задымили рубахи,
Слава богу, силенка
От наваристых щей!
Наше дело простое,
Проще пареной репы:
Знай выкидывай дальше,
Зачерпнуть не плошай.
И под шпурником скоро
Загудит коренная;
Коренную и надо,
Коренную и ждем.

И пустую породу
Выметают ребята,
Как полы подметают
Новоселы в избе,
И оценят рукою
Обнаженную жилу:
Не она ль оправдала
Годовые труды?

Северный ветер белый,
Будто медведь, ревет,
С кем-то сугробы делит,
Злобно палатку рвет.

Печь захлебнулась дымом.
Пляшет свечи язык,
Пишет письмо родимой,
Видно, взгрустнул мужик.

Пишет о том, что скоро
Отстучает свой сезон.
Пишет, что крышу покроет,
Как возвратится он.

Может быть, купят телку:
Все-таки он богат.
Пишет, что сыну Кольке
Оленьи припас рога.

Жить, мол, под разным небом
Больше нам не резон.
Пишет: «Хотя скорей бы
Кончился наш сезон».
А за палаткою вьюга,
Как под ножом, визжит.
Хочет увидеть друга,
Крепко взгрустнул мужик.

ПАВЕЛ КУСТОВ

Родился в 1906 году на Тамбовщине, в селе Завальном Усманского уезда (ныне Липецкая область).

С 1927 по 1930 год учился в Московском университете. В эти годы много печатал стихов в «Комсомольской правде», в журналах «Комсомолия», «Прожектор» и других изданиях.

В тридцатые годы в жизнь и творчество П. Кустова прочно вошел Север. Он работал в Карелии, на Свири, а затем около двадцати лет провел в Череповце Вологодской области. Сейчас живет в Ленинграде.

В Москве и Ленинграде вышло десять сборников его стихов. Много занимался П. Кустов и переводами поэтов братских народов.

РЕЗЬБОЙ УКРАШЕН ДОМ

На красном дереве не так видна резьба,
И где возьмешь его в краю заиндевелом?
Вот у меня украшена изба
Простой сосною да березкой белой.

Я мастер на все руки, говорят,
Уж потрудился в годы молодые.
Коньки да петушки так и горят
Под солнцем озорным, как золотые.

Особенной манерой с давних пор
Прославились мы по стране широкой.
Нам дорог синий неподвижный бор
И журавли над сонною дорогой.

Пойди под осень к светлому руслу
И сядь на пень у кровяной брусники.
Там лодка зарастает и к веслу
Сбегаются обманчивые блики.

Мы брали там подсохшие стволы,
Медовый клей на щепочках варили
И, желтые от стружек и смолы,
Узоры знаменитые творили.

Столяр я иль поэт — не знаю сам,
Учился под ветелкой загуменной.
Моя изба к прозрачным небесам
Свой обращает лик недоуменный.

За мастерство, глядящее с ворот,
За каждый новый завиток на раме
Меня полюбит северный народ
И гусяры прославят вечерами.

Но я собою недоволен вновь
И с гулким сердцем затеваю ссору.

Когда соседи пели про любовь,
Я новые обдумывал узоры.

— Нет, — говорил печально я себе, —
Коньки твои — пустые побрякушки.
Ведь ни за что не выразить в резьбе
Лесного волхвования кукушки.

Ведь как там ни искусны завитки,
Тепло живое не пройдет под ними.
А мир встает из-за твоей руки
И только дразнит красками своими.

И что с резцом мне делать по весне,
Когда скворцы садятся на перила,
Чтобы ручьи откликнулись в сосне
И дерево само заговорило?..

БЕЛОЕ МОРЕ

Тепел ветер, надо мною веющий.
Замираю на корме челна.
Кажется, из стали нержавеющей
Выкована звонкая волна.

Нестерпимым блеском ослепленному,
Не на что мне легкий парус вздеть.
Я гляжу на море, как влюбленному
Впору бы на девушку глядеть.

Словно крылья — весла деревянные.
В гулком небе — всплеск утиных стай.
О моя земля обетованная,
Беломорье — расчудесный край!

Не водил я карбас за навагою.
Грузных нерп не поддевал на крюк.
Но какую силой и отвагою
Сердце мне ты напоило вдруг!

Будто я не за цветными шторами
Зоревал с тетрадкой в руках,

А полсвета с сумскими поморами
Исходил на елах и шнеках.

Так продлись, чудесное мгновение,
Дай челну и крепость, и разбег,
Чтоб моряны легкой дуновение
Над собой я чувствовал весь век!

РОДНИКИ

От известных центров в отдаленье,
У истоков северной реки,
Есть одно старинное селенье
С ласковым названьем — Родники.

А за тем селеньем есть пригорок,
На котором родники найдешь.
Сколько их всего там — двадцать, сорок?
Может, еще больше? Не сочтешь!

Потому что не проходит года,
Чтобы с этих обомшелых круч,
Светлую разбрызгивая воду,
Не забил однажды новый ключ.

Хорошо у каменистой груды
Зачерпнуть живой воды глоток
И надолго унести отсюда
Родника бодрящий холодок!

Знать, недаром столько певчей птицы
На ключи слетается с утра:
Голос чище от такой водицы,
Будто станет он из серебра.

И когда хористы в клубном зале
Целый вечер петь не устает,
Я шепчу соседям: «Вы не знали?
Да ведь это ж Родники поют!»

НИКОЛАЙ КУТОВ

Родился в 1917 году в городе Великий Устюг. Окончил педагогический техникум и педагогический институт. Служил в армии, участвовал в войне с белофиннами. Около десяти лет работал в областных многотиражных газетах. Первые стихи были опубликованы в 1940 году.

В областных и центральных издательствах вышло несколько книг Н. Кутова — «Утро», «Золотая долина», «Новый край», «Весенние зори», «Расставания и встречи».

В настоящее время Н. Кутов живет в Ленинграде, работает в журнале «Звезда».

Как гора с большого расстоянья,
Цель его все лучше нам видна,
Все ясней его предначертанья,
Все доступней мыслей глубина.

И когда в великом нашем веке
Станут явью все его мечты —
Мы увидим в каждом человеке
Ленина бессмертные черты.

РУЧЕЙ

Ручей шумливый, как ребенок,
В лесу разбуженный весной,
Из снежных выбрался пеленок,
Бежит тропинкою лесной.

Как будто дней веселых вестник,
Он от зимы удрал, смеясь,
Его ликующая песня
На зорьке с песней птиц слилась.

Бежит он из лесных потемок,
По-детски радуясь всему;
Пусть голосок его негромок,
Но лес прислушался к нему.

ОЗЕРО

А. Решетов:

Когда не очень клеится работа,
Когда я с ней, как с милой, не в ладу,
Оно мне словно обещает что-то,
Чего на берегах я не найду.

Злечет меня, зовет меня из дому.
И почему, тогда не знаю сам,
Его простору верю голубому
Я больше, чем зеленым берегам.

И озеро волной меня встречает,
И берега скрываются вдали,
И кажется, что озеро качает
Лесные острова, как корабли.

И целый день оно поет мне песни,
И я готов с ним согласиться в том,
Что песни волн звучней и интересней
Тех, что пишу я, возвратившись в дом.

Я озеру тогда не возражаю.
В его простор, к бесплодным островам
От дум своих нелегких уезжаю
И воли не даю своим словам.

Но вот закат раскрашивает воду,
И звезды в воду падают, звеня,
И я клянусь ненужную свободу
Напрасно мной потерянного дня.

Мне от себя не убежать, конечно.
Я чувствую, что мне давно пора
Послушать снова разговор сердечный
И трудный спор бумаги и пера.

Большая лодка приседает грузно,
И озеро, волной ее креня,
Пытается отвлечь от мыслей грустных,
А может, просто обмануть меня.

Но слушать не хочу его теперь я
И возвращаюсь вновь к своим стихам.
Я озеру теперь уже не верю,
А верю я далеким берегам.

БОГИНИ

Нас волновали одноклассницы,
Девчонки, девушки-ровесницы,
Звонкоголосые проказницы,
Кокетливые наши сверстницы.

Но в нас мужчин они не видели,
Шушукались, ходили группами.
А мы не понимали, видимо,
Что были мальчиками глупыми.

Да, мы, мальчишки-старшеклассники,
Себя уже считали взрослыми.
Свиданья с ними — были праздники,
Разлуки — испытанья грозные.

Как будто их навек покинули
И завтра нам уже не встретиться,
Ведь были нашими богинями
Девчонки-хохотушки, сверстницы.

С богинями, не в нас влюбленными,
На ты мы были в годы юные,
Бродили парками зелеными,
Решали им задачи трудные.

Порой подсказывали шепотом
Богиням, красным от смущения;
Листали книги с тихим шорохом,
За них писали сочинения.

Потом богини нас покинули,
Ушли с другими, неизвестными,
Оставшись все-таки богинями,
Пускай земными, не небесными.

АНАТОЛИЙ ЛЁВУШКИН

Анатолий Лёвушкин родился в 1922 году в Рязани в семье лесовода. В 1942 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького и окончил его в 1947 году. В 1957 году был принят в члены Союза писателей.

Первая книга его стихов «На берегах Оки» вышла в Рязани в 1947 году. Здесь же была выпущена книжка стихов для детей «Мяч в сетке». В издательствах «Советский писатель» и «Московский рабочий» выходят его сборники «Приокские рассветы», «Во глубине России», «Именем любви».

Анатолий Лёвушкин живет и работает в Архангельске. В 1965 году в Северо-Западном книжном издательстве вышел его сборник «Солнце в руках», а в 1966 году — книжка стихов для детей «Следопыты».

БЕЛАЯ НОЧЬ

В Архангельске — белые ночи.
И в полночь Архангельск дневной.
Я с белою ночью
воочью
встречаюсь над сонной Двиной.
Встречаюсь, ничуть не отчаясь,
что нынче опять не до сна.
Как лодка, от пирса отчалаясь,
покорна удару весла,
так я этой ночи покорен,
в ней что-то зовущее есть.
А Север могуч и просторен,
навстречу распахнутый весь.
А Север обманами дразнит:
здесь полночь,
как утро,
точь-в-точь.

Какой-то неведомый праздник
сулит эта белая ночь.
Неверного шага не делай,
назад повернуть не спеши.
Побудь в этой полночи белой,
в нетронутой этой тиши,
в немеркнувшей роскоши света.
Гони все сомнения прочь!
Последняя песня не спета,
не кончилась белая ночь.

Ходят волны могучим маятником —
так и просится море в пляс.
Нет здесь места людишкам маленьким,
кто в корысти своей погряз.
Тем, кто с морем все штормы выстрадал,
тем, кто с морем пуд соли съел,

сам Нептун по-хозяйски выставил
все богатства,
щедроты все.
Вот она, глубина бездонная!
Без границ простор ветровой!
Эй, мечтатели и бездомники,
нам ли море не дом родной?!
Море в пламень зари расцвечено,
расплескалось, искрясь, рябя.
Чем же, море, тебе отвечу я?
Чем, скажи, отдарить тебя?
Море бьет голубыми искрами.
Море смотрит в упор в глаза.
Надо быть беспощадно искренним,
если море берет в друзья.

НОРД-ОСТ

В. Е. Пономареву

Вот он,
остров
Колгуев,
где норд-осты
колдуют.
Море
скомкано,
взрыто
вплоть
до самой
пучины.
Слышишь, звякает рында
безо всякой причины?
Глаз никто не смыкает.
Море
судно
мотает,
носом
в пену
макает.
За кормою мелькает
гневный остров
Колгуев,

где норд-осты
колдуют.
Всех насквозь пропитало
едкой мокрою солью.
А глаза капитана
красны от бессонья.
Море жмет.
Море давит.
Ну-ка,
 нервы
 крепки ли?
Вот возьмет
 и ударит —
так и плавай
 вверх килем!
Хоть
 норд-ост
 по пятам,
да
 не прост
 капитан!
Все
 над картой смекает,
лоб обрызганный вытер
Все же
 буря
 сникает,
все же
 хмуро
 стихает
разъярившийся ветер...
И на дружбу прямое,
море
 дали
 раскроет.
Есть в характере моря
что-то
 наше,
людское.

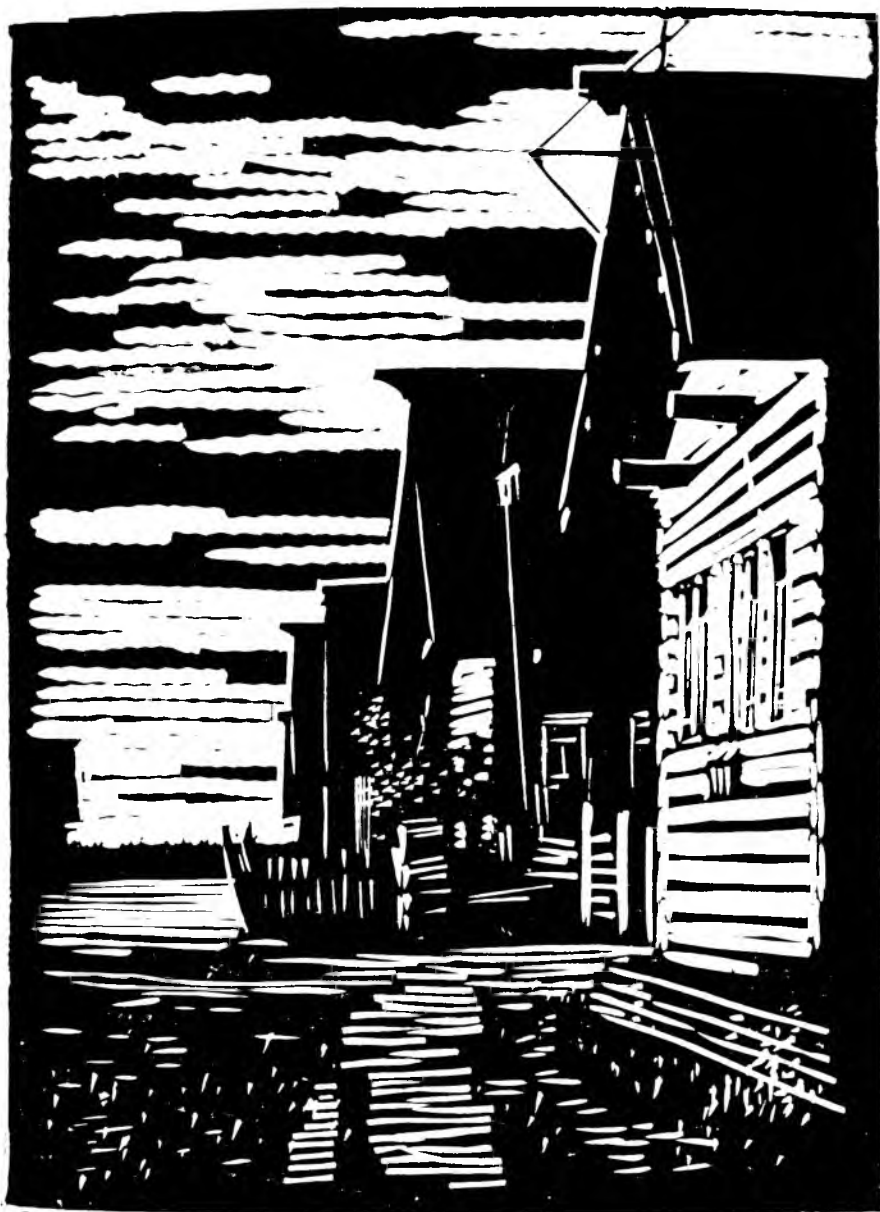
ЛОЦМАН

День туманный.
А все же,
как бы ни было трудно,
лоцман, родом из Сёмжи,
лоцман выведет судно.
Что там лишние фразы —
судно лоцману в руки!
Он, помор остроглазый,
нынче властвует в рубке:
— Так держать!..
Самый малый...

Так!..
Немного правее..
Лоцман зоркий, бывалый,
Белым морем проверен.
В жизни всякое было,
Коль сказать откровенно,
море гневалоь,
било,
для острастки топило,
но уж, коль полюбило,
служит лоцману верно.
Знать, в соленой купели
голова побелела.
А как ветры кипели! —
все лицо задубело.
А во взоре отвага
не тускнеет с годами..
А ругнется — так благо
не присутствуют дамы!..
Да и вправду «везет» же
на лихое ненастье.
Но
тому, кто из Сёмжи,
море —
дружески

настежь.

И стороны тся мели,
и туманы в полгоря,
не отыщешь умелей
по всему Беломорью!

Б. Лукошков. Северная деревня.

На Белом море — волны беглые.
Над Белым морем — ночи белые.
Совсем без меры и без дна
Над Белым морем — белизна.

Вскипают волны, берег моя,
скалистый берег вымыт в лоск.
Так вот какое Беломорье,
поморский город Беломорск.

Безлюдно. Тихо. Ой, морока!
Да как же так? В белесой мгле,
смотрю, девчонка-беломорка
навстречу выпорхнула мне.

И белокур лукавый локон,
косынка легкая белая.
Она столкнула карбас ловко.
Была — и словно не была!

Лишь волны в берег бьют без пауз —
всю ночь без усталости, без сна...
Лишь в Белом море — белый парус.
Над Белым морем — белизна.

ЧУДО

Только в детстве, звонком и веселом,
может быть такое чудо:
вдруг
обернется мощным ледаколом
в коридор задвинутый сундук.

Станет мачтой сломанная швабра,
а компас — коробка от конфет.
Капитан стоит, бывалый, храбрый
(хоть ему лишь семь неполных лет).

Перед ним морской простор разостлан,
перед ним сверкающий маяк...
Но опять звучат упреки взрослых:
— Экий ты затеял кавардак!

Есть игрушки у тебя. Есть книжки.
Ты бы сел, картинки посмотрел!.. —
И глядишь: послушался мальчишка,
загрустил мальчишка, присмирел.

Он в глазах веселый жар остудит,
скучных взрослых слушаться готов...
Так, наверно, вырастают люди
без мечты,
 без песен,
 без стихов.

...Я сегодня снова спорить буду.
Сын растет. Он бойче с каждым днем.
Не мешай мальчишескому чуду,
пусть
 весь дом
 перевернет вверх дном.

НЕПРЯДВА

В старинных песнях, сказах ли
течет издалека
Непрядва ясноглазая —
заветная река.

Течет путем невызванным.
Мелькнет среди дубров
излучина капризная,
как вскинутая бровь.

Да русая, песчаная
распластана коса.
То русская печальная
и властная краса.

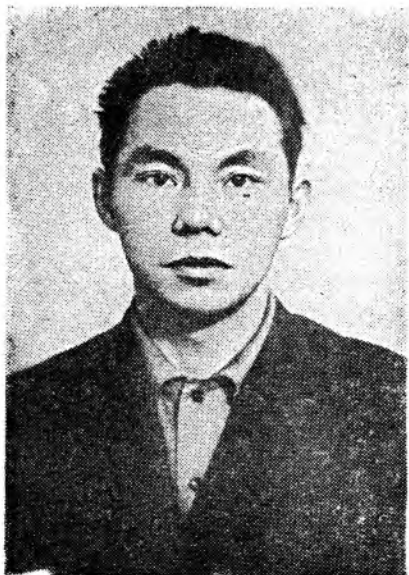
Порхают чайки, прядая
над легкою волной...
И бредил я Непрядвою,
Непрядвою одной.

Я верил вольной верою,
что повстречаюсь с ней.
Я мерил полной мерою
простор земных путей.

Немало речек найдено
среди родных широт.
И каждой речкой дадено
от всех ее щедрот.

Твердят мне: дескать, выдумал
всем картам вопреки,
еще никто не видывал
той взбалмошной реки.

Живи-ка, душу радуя,
склонясь к реке любой!..
А как мне быть с Непрядвою,
Непрядвой голубой?!

ВАСИЛИЙ ЛЕДКОВ

Родился в 1933 году в Большеземельской тундре в семье оленевода. Еще в школьные годы начал писать стихи на ненецком языке.

Окончил Ленинградский педагогический институт имени Герцена, а позднее Высшие литературные курсы в Москве. Сейчас живет в Нарьян-Маре, занимается журналистским и литературным трудом. Член Союза писателей.

В 1961 году в Ленинграде вышел сборник стихов В. Ледкова для детей на ненецком языке. В Архангельске в этом же году издана его книжка в соавторстве с А. Пичковым «Далеко Сэрне моя живет», а в 1962 году выпущен сборник детских стихов В. Ледкова «Быстроногий олененок».

Бескрайняя равнина,
Надежные снега.
Стекает с гор лавина:
рога, рога, рога...

Горячий пар дыханья:
Притронешься —
 сгоришь.
Сплошное колыханье —
Идет большой аргиш*.

И, как вершитель чуда,
На нарте на своей
Приземист, вроде чума,
Расселся ясовей**.

Он зорко и небрежно
Сужает черный глаз.
Ведет он к побережью
Аргиш в последний раз.

Дорога поколений
Проторена давно.
В лесу рогов оленьих —
Темно,
 темно,
 темно...

Но там, в ночи,
 где россыпь
Мерцающих огней,
Поселок, как подросток,
Зовет:
 — Сюда, ко мне!

* Аргиш — олений поезд, которым управляет один человек
** Ясовей — проводник оленей.

И, озабочен чем-то,
Глядит из-под бровей
Последнего кочевья
Последний ясовей.

Перевела с ненецкого *Майя Борисова*

Солнца руки золотые
Раздвигают в небе тучи,
Чтобы гуси не застыли,
Чтоб лететь им
было лучше.

По небесным по дорожкам
Протянулись птицы снова
От земли моей продрогшей,
От ветров ее
суровых.

Манит, манит
даль чужая:
Без тепла им,
как без счастья.
Я стою, их провожая,
На сухой косе песчаной.

Путь в края чужие труден,
Вкус воды чужой
несладок.

Я вздыхаю:
нашей тундре
Будет скучно
без крылатых.

Но я — с нею,
в пору буден
жарким песням
дам я волю.

Тундра вас не позабудет:
Я ей, птицы,
не позволю.

Травам,
 волнам и
 селеньям
Я скажу:
 не надо грусти!
Снова зори заалеют.
Брызнет свет.
 Вернутся гуси.

Перевела с ненецкого *Майя Борисова*

Край земли. Далекое селенье.
Снег да снег... И нет ему конца...
И собаки, лежа у крыльца,
На пришельца смотрят с уваженьем.

Под ногами взвизгивает снег,
И ступеньки ледяные стонут...
Нет, собаки никого не тронут.
Заходи, им дорог человек.

Хочешь —
 к океану напрямик,
К самому ледовому припаю
Эти псы нас быстренько скатают
И опять примчат на материк.

Ветер тундры, запах океана
Увезешь с собой в обратный путь.
Ведь не всем дано перешагнуть
Полосу того меридиана.

Край земли. Далекое селенье.
Снег да снег... И нет ему конца...
И со мной собаки у крыльца
Провожают гостя с сожаленьем.

Перевел с ненецкого *Н. Журавлев.*

**ИОСИФ
ЛЕОНИДОВ**

Иосиф Леонидов (Лебензон) родился в 1925 году на Украине, в городе Виннице. После окончания Уральского государственного университета в 1950 году приехал в Архангельск. С той поры его творчество как журналиста и поэта тесно связано с Севером.

В Архангельске изданы две книги стихов И. Леонидова — «В лесном поселке» и «Без намеков». В первой он представлен в основном как поэт-лирик. Вторая является итогом его многолетней работы в жанре сатиры.

ПОГУДКА ПРО ЛОПАТУ

Памяти П. П. Бажова

Слышал я от старика когда-то
Славную погудку про лопату.

«Погляди, — говорит, — на лопату:
Неказиста на вид, грубовата.
Но лопатка моя, хоть стара,
А блестит, будто из серебра.
От грязной, от черной землицы
Начинает лопата искриться.
Коль без дела лежит — ржавеет,
А в работе она хорошеет.
И блестит она от работы.
То-то...

Погляди на ее черенок.
Кто б его так отгладить мог?
Ни стекло, ни алмаз, ни наждак
Шлифовать не умеют так.
Ни железо, ни сталь, ни камень —
Черенок отшлифован руками.
Черенок полирован гладко —
Поработала много лопатка.
Черенок полирует работа.
То-то...

Да и мы, люди то есть, тоже
На лопатку мою похожи.
От работы мы хорошеем,
А без дела сидим — ржавеем.
Так уж принято, парень, от века:
Украшает труд человека.
Человека красит работа.
То-то».

Во Вселенной все как полагается:
Звезды гаснут, звезды загораются.

За собой храня запасы вечности,
Звездами галактики пылят.
Где-то в беспредельной бесконечности
Точечкой затеряна Земля.

Точкой скромной, маленькой, невидною,
Точкой, незаметной до обидного.

А для нас полны очарования
Горы, облака, разливы рек.
Коль Земля — песчинка мироздания,
Что на той песчинке человек?

Нет, не так! Есть разум человеческий,
Что способен с миром совладать
И постичь Вселенной бесконечность,
И законы космоса познать.

Сколько б ни было галактик разом,
Беспредельней их всеильный Разум.

Бесконечность во Вселенной правит,
Вдаль летят галактики во мгле.
Все равно, ни капли не лукавя,
Я гордиться перед ними вправе
Званьем Человека на Земле.

ТАЙНА

Ночь уходит тихо-тихо,
Блещет месяц с высоты;
А Устинья-повариха —
Спозаранку у плиты.
Утром сон ее недолог.
В пять утра плита горит,

В семь накормит весь поселок
И улыбкой одарит.
Нож, шинкующий капусту,
Будто пляшет —
 тук-тук-тук.

Люди скажут:
«Ай да Устя,
Лесорубу —
 первый друг!»

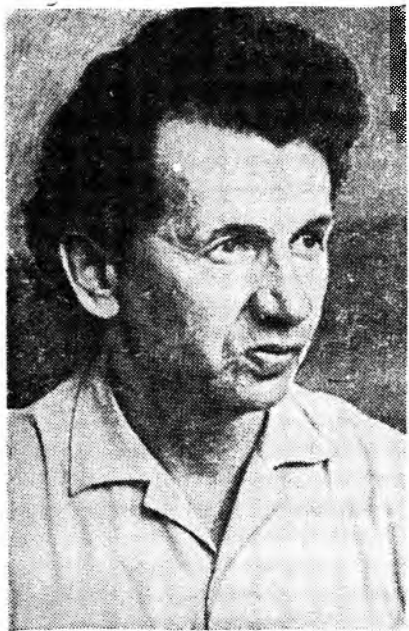
Устю хвалят, Устю ценят,
А начнется день в лесу —
Все забудут про пельмени
И про Устину косу.

Только Петр — шофер бедовый —
Не забудет Устин смех.
Оттого-то он в столовой
Раньше всех
 и позже всех.

А она глаза опустит,
Чуть завидя паренька.
Отчего у нашей Усти
Будто дрогнула рука?

Взглядом встретятся случайно —
Сразу очи отведут,
Словно друг от друга тайну
Неустанно берегут.

А у тайны путь недолог,
Да и тайна нехитра:
Знает тайну весь поселок,
Кроме Усти и Петра.

НИКОЛАЙ ЛЕОНТЬЕВ

Родился в 1910 году в селе Верхние Матигоры Холмогорского района Архангельской области.

В 1936 году Н. Леонтьев едет на Печору, где работает сотрудником газеты «Нарьяна-Вындер», и с тех пор не теряет связи с полюбившимся ему краем. Результатом его многолетней совместной работы с известной печорской писательницей-рыбачкой Маремьяной Голубковой явились книги «Оленьи края», «Мать-Печора», «Два века в полвека», издававшиеся в Архангельске и Москве и впоследствии переведенные на чешский, словацкий и венгерский языки. По мотивам рассказов М. Р. Голубковой им написан и роман «Печорянка».

Николай Леонтьев известен как автор драматической поэмы «Михайло Ломоносов» о нашем великом земляке, изданной «Советским писателем», а также многих стихов о Севере.

МАТЬ-ПЕЧОРА

Ой вы, ветры-ветерочки,
Ветерочки-сиверочки,
Вы подуйте со родимой
Со сторонки ветряной.
И от моря и до моря
Пойте песню о Печоре,
О красавице любимой,
О реке моей родной.

По всему по белу свету
Нет другой реки, как эта,
Но извека неприметна
Эта вольная река:
Про красу ее не пето —
Видно, не жили поэты
На суровых, неприветных
На ее на берегах.

По лесам, лесам дремучим,
По болотинам дыбучим
От истоков потаенных
Не река бежит-струит:
Словно девка за морошкой
По лесной идет дорожке, —
Ни сучка не переломит,
Ни воды не замутит.

Поступь плавна и неслышна —
Знать, она с оглядкой вышла,
Знать, ушла она украдкой,
Тихо, не подняв лица,
Знать, в семействе староверском
Любы кротость да степенство,
Знать, житье ее не сладко
У сердитого отца.

Погоди, моя тихоня,
Погоди, моя простушка,

Погоди еще немного:
Пора-время подойдет —
Озорство тебя догонит,
Будешь первой хохотушкой,
Будут трепет и тревога
У твоих стоять ворот.

Под горластую тальянку
Скоро, звезд небесных краше,
Под бровями вспыхнут звезды,
И под пламя этих звезд
Ты еще свое отпляшешь,
Пошумишь ты на гулянках,
Напоешься песен вдосталь,
Навздыхаешься до слез!..

И Печора, еле минет
Сверху первое сельбище,
Разом сменит прыть, и поступь,
И свою былую статью.
Перекрутом воду двинет
По камням, по корневищам
И торопится все версты,
Что остались, наверстать.

И по пенью, по коренью,
По валучему камению,
По бурливым перекатам
Пляшет вольная река,
И поет, не утихая,
И смеется, и вздыхает,
Всем богата-таровата,
Многоструйна и легка.

ПЕЧОРИНКА

Егоза, а глаз соколий
Бьет из-под бровей...
— Кто ты, девушка, отколе
И каких кровей?

Эких девок на Печоре
Не найдешь у нас:
Шибко колок, больно черен
Твой соколиий глаз,

Будто красная молодка
Ловит молодца...
Ты какого околотка?
Коего отца?

Женихи ль тебя украли
Из нездешних мест?
Не найдется краше крали
Среди невест,

Не найдешь наряд роскошней
Даже днем с огнем...
Не в Усть-Цильме ли кокошник
Вышит серебром?

На тебе жемчуг нанизан
Рассыпней росы...
Ты с верховья? Али с низу?
С Камы? Аль с Усы?..

— До хвалы ты, знать, охотник —
Не слова, а шелк...
Ты бы лучше, мой сухотник,
Ближе подошел.

Трусишь платьице запачкать
Али очень горд?..
Я ведь здешняя рыбачка
Из колхоза «Норд».

СКАЗКА О КОВРЕ

Детской памятью спрятан заботливо,
Он на много запомнится лет
Мой добрейший,
 мой словоохотливый,
Мой мудрейший по-своему дед.

Дед — лесник.

И державу лесистую
Он хранил, точно леший, точь-в-точь,
Так он громко чихал, так неистово,
Что медведи шарахались прочь.

Дед придет, на полатах усядется
И с такой неземной высоты
Начинает плести самоскладацы,
Сказки мудрой, большой простоты.

Мне полати казались утесами,
Дед сидел, словно сам бог-отец:
Сивы волосы гладко расчесаны
На библейских времен образец.

Дед поглаживал бороду сивую,
Устремлял верст за тысячу взор
И рассказывал сказку красивую
Про живой многоцветный ковер:

«Ты от бабки слыхал сказки девичьи
О могучем Долмате-царе,
Об отважном Изане-царевиче
И его самолетном ковре?»

Сколько я ни хожу и ни думаю
Средь таежных боров да болот,
А смекаю, что наша подлунная —
Этот самый ковер-самолет.

Не поймешь — так уж лучше не спрашивай,
А скорее вокруг оглянись:
Вся земля, как ковер, изукрашена;
И в ковер мы, как нитки, вплелись.

Много дела людьми не осилено,
Но должно быть понятно одно:
Все, что видишь на свете красивого,
Человечьей рукой сплетено.

Украшают труды многосложные
Златотканое платье земли...

В. Вожливец. Зверобой.

Вон и просеки в темень таежную,
Словно светлые нитки, прошли.

Где искусной рукою дотронется
До земель нежилых человек,
Как цветами, домѣми покروются
Берега заповеданных рек,

Где им разум и руки приложены,
Зацветают сады и поля,
Заливным,
 густотравным,
 некошеным
Закрасуется лугом земля.

Не лентясь,
 со сноровкой,
 умеючи,
Как в ковер, можно землю одеть!..
Надо только Ивана-царевича,
Чтоб умел тем ковром володеть,

Чтоб своей чародейною силою
Поднял нас до нагорных высот,
Чтоб, над миром поднявшись,
 Россию
Обернулся ковер-самолет!..»

Дед! Мне сказка твоя крепко помнится.
Пусть тебе будет пухом земля!
Знал ли ты, что так скоро исполнится
Справедливая сказка твоя?!

Есть еще сторона обратная:
Старый дед молчаливо страдал,
Что не только ковра самолетного —
И простого ковра не видал...

ИВАН МОЛЧАНОВ

Родился в 1903 году в деревне Прислон Архангельской губернии в семье крестьянина-бедняка. Самоучкой обучился грамоте, а когда началась гражданская война, шестнадцатилетним юношей вступил добровольцем в Красную Армию. Первые его стихи были опубликованы в газете 6-й армии, освободившей Архангельск от белогвардейщины и иноземных захватчиков.

Осенью 1924 года И. Молчанов уехал учиться в Москву, в Государственный институт журналистики. И с той поры свыше сорока лет работает в советской литературе. Иван Молчанов — один из первых комсомольских поэтов. Уже в 1925 году вышел сборник его стихов «Борьба и сердце». Затем издавались его книги «Огонь», «Тракторострой», «Балтика», «Военная молодость» и многие другие.

В первые дни Великой Отечественной войны поэт-коммунист снова добровольцем уходит на фронт. Был рядовым, потом — военным корреспондентом. Награжден двумя боевыми орденами и десятью медалями.

Иван Молчанов живет в Москве. Один из последних сборников его стихов, выпущенный издательством «Советская Россия» в 1961 году, называется «Я иду по любимой России».

ЕСТЬ НА СЕВЕРЕ...

Есть на севере хороший городок..
В. Гусев

Есть на севере город хороший;
За рекой ледяною — Двиной —
Он стоит, заметенный порошей,
Деревянный мой город родной.

— Чем ты славен, — его мы спросили, —
Чем ты жив у лесных берегов,
На краю необъятной России,
Посреди бесконечных снегов?

И ответил мой город старинный,
Рассказал, ничего не тая:
— Мореходов отвагой былинной
У народа прославился я!

В ледяное дыхание туманов
Уходили ни свет ни заря
Ледоколы моих капитанов,
В ледовитые наши моря.

А еще мне и ладно и любо,
Что на вольном просторе реки
Знамениты мои лесорубы,
Знамениты мои сплавщики.

И в советские славные годы
Я заводы поднял на Двине.
Лесопильные наши заводы —
Не последние в нашей стране.

Высоки мои сочные травы,
Ослепительны зори костров;
И шагает по Родине слава
Холмогорских моих мастеров...

Есть на севере город хороший;
Под колючей полярной луной

Он стоит, заметенный порошей,
Знаменитый мой город родной!

ПЕСНЬ О СЕВЕРНОЙ ДВИНЕ

1

По вольному краю в зеленом узоре
Широких лугов и лесных берегов
Несет свои воды в холодное море
Река лесорубов, река сплавщиков.
Могучие сосны в халате тумана
Зарю пригласили на утренний сбор.
В становище чуди, на гриве кургана
Былина с былиной ведут разговор.
Летит облаков белоперая стая,
О берег стучится седая волна...
Река трудовая, река золотая,
Красавица наша Двина!

2

Ракиты склонились к задумчивым вязам,
Береза приветливо машет рукой.
Здесь самое место былинам и сказам
И песне широкой над русской рекой.
Заморские саги, карельские руны
Сюда завозили весной шкипера;
Сюда заходили лапландские шхуны,
Волну бороздили фрегаты Петра.
Струю погоняет, былинам внимая,
Течет к океану, сильна и вольна,
Река трудовая, река золотая,
Красавица наша Двина!

3

На старом баркасе с бывалым помором
В июньские ночи попутной водой,
Здороваясь с небом, здороваясь с богом,
Ходил Ломоносов — рыбак молодой.
И русского нрава, и первый по праву
Из русских художников в сердце живет

Ваятель и резчик по кости на славу,
Земляк Ломоносова — Шубин Федот.
И школьник советский, страницы листа,
Узнает, что с давнего века славна
Река трудовая, река золотая,
Красавица наша Двина!

4

Сюда залетали разбойные бритты,
И янки водили на север орду.
Запомнили бритты, как были побиты
Советским народом в двадцатом году!
Грабителям в наших лесах и долинах
Недолго гулялось в заморской броне.
И это — начало советской былины,
Рожденной в суровые дни на Двине.
Живет она, правда, святая, простая,
Спокойствием дышит родная страна...
Река трудовая, река золотая,
Красавица наша Двина!

5

Веселые песни лесных комсомолок
Реки пробужденье встречают весной.
Становище чуди открыл археолог,
Трофеи уносит в музей областной.
Идут пароходы, гудки простирая
До светлого солнца, до ясной звезды;
Ведут плотоводы советского края
В подарок заводам большие плоты.
И песня звенит, над рекой пролетая,
Что славить тебя на мизу рождена
Река трудовая, река золотая,
Красавица наша Двина!

ДЬЯКОВ ПЕТР

В коммуне «Новый путь» Ишимского округа (Сибирь) кулаки убили единственного в коммуне тракториста-комсомольца Петра Дьякова, они облили его керосином и живым сожгли...

(«Комсомольская правда» за 1928 г.)

1

Над вершиной ельника, по краю,
Теплилась багрянца полоса...
Где-то за деревней, замирая,
Девичьи звенели голоса;

Где-то с переборами тальянки
Песни угасали на ветру;
Там — гулянка...
Но не до гулянки
Трактористу Дьякову Петру...

Вот звезда над полем задрожала,
Опустилась на деревню мгла...
Полоса неспаханной лежала,
Молодого пахаря ждала.

Силуэт узорчатых околиц...
Клен у стародавнего плетня...
Выводил на поле комсомолец
Статного железного коня.

Под покровом ноченьки ковровой
Моториста скука не возьмет;
Выезжал он с песенкою новой,
С той, какую милая поет:

2

«По дорожке неровной,
По тракту ли, —
Все равно нам с тобой по пути...»

Прокати нас, Петруша, на тракторе;
До околицы нас прокати!

Прокати нас до речки, до лесенки
У дорожки на самом краю...
Запевайте-ка, девушки, песенки
Про колхозную долю свою.

Наша доля никем не принижена,
Наша доля теперь не сера...
Кулаки на селе разобижены,
Что ушла навсегда их пора;

Отгрызаются, лютые, лаются,
Злоба льется у них через край...
Кулачье до тебя добирается...
Комсомолец, родной, не плошай!

По дорожке неровной,
По тракту ли, —
Все равно нам с тобой по пути...
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати!»

3

Песня наливается и крепнет;
Не сорвется голос молодой...
Далеко оставлена деревня,
Утонула в дымке голубой.

Рыхлым, черноперым черноземом
К борозде ложится борозда...
— Стой, Петруха!
Кажется, знакомый
Голос прозвучал из-за куста.

— Стой, Петруха, побалакать надо,
Поквитаться надо за дела! —
В эту ночь кулацкая засада
Тракториста с вечера ждала...

— Поквитаться надо, посчитаться
Нам с тобой, бедняцкий депутат!
— С солнышком собаке не видаться...
— Ну-ка, поворачивай назад!..

4

Замолчала робкая машина...
Тракториста с головы до ног
Кто-то облил теплым керосином,
Спичку чиркнул...
Вспыхнул огонек...

Цепенела в поле темь густая,
Сиротела полоса...
Отблеском зловещим налитая,
В семь цветов окрасилась роса.

В МОРЕ БАРЕНЦА

Ю. Д. Жукову

Заполярье, а жара — под сорок!
Ты скажи мне, милый капитан,
Что здесь нынче —
Баренцево море
Или прикаспийский Дагестан?

Морю, видно, муторно от зноя:
Не стучит штормягой-кулаком,
Медленной, ленивою волною
Шевелит,
Как рыба плавником.

У норд-оста тоже что-то рыбе:
Сник.

Уснул.

Изжарился.

Угас!

Даже Канин
Вечной мертвой зыбью
Позабыл сегодня встретить нас.

Что же, штиль такой — для нас
Не лишний:
Отдохнем на мостике пока.
Ведь не часто потчует затишьем
Баренцево море моряка.

Знаю, что в осеннее ненастье
Эта прорва баренцевых вод,
Словно зверь
С оскаленной пастью,
Ринется на мирный пароход...

Что там ад, описанный у Данте!
Штормовая ночь черным-черна...
Тут уж не до отдыха команде,
Капитану тоже не до сна.

В дело
Все полученные знания;
Точность побеждает ночь и тьму.
И гляди: как раз по расписанью
Ты придешь к причалу своему.

Как теплы друзей рукопожать!
Вот и стол приятельский накрыт,
И остроты дружеские — кстати,
И бокал с бокалом говорит...

— Ну-ка, песню, звонкий запевала,
Про моря, про северный туман!..
После шторма
Так ведь и бывало,
Так ведь, мой любезный капитан?

Штормы моря смелому покорны.
Шторм прошел — и песня широка...
Вот и мне б
На жизненные штормы
Век глядеть глазами моряка.

Баренцево море, пароход «Юшар», 1957 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЮНОСТЬ

Да, далека теперь весна моя:
Шестой десяток виснет за плечами.
Но вечно рядом
Милые края
С прозрачными, как радуга, ручьями,
С духмяно-терпким запахом берез,
Кому я песни первые принес,
С высокой,
Как мечта моя, луною
Над полноводной Северной Двиною,
С моряной, раздувающей рубашку,
С залатанной тужуркой нараспашку,
С певучим беломорским говорком,
С любовью первой,
С кимовским значком...

Мне жить и жить,
Гореть бы, не сгорая,
Но дни идут к закату, спору нет.
Я в сердце спрятал клад весны и мая.
Тот клад —
Любовь к тебе моя большая
Да к ней —
 к моей любимой стороне.

**ВЛАДИМИР
МУСИКОВ
(1914 — 1960)**

Владимир Мусиков родился в 1914 году в Архангельске в семье судового механика. В 1938 году окончил Архангельский педагогический институт. Писать стихи В. Мусиков начал еще в тридцатые годы, когда стал работать в газетах.

Все годы войны он на фронте. Награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями.

Первая книга стихов В. Мусикова «Отчий край» вышла в Архангельском книжном издательстве в 1948 году. В 1954 году издан второй сборник его стихов «Живые огни», в 1960 году — третий «Цена мира». В Архангельске выпущены и детские книжки в стихах — «Волька в милиции», «Лешкина тайна», «Ханавэй — Ясноглазый Сокол», «Илько едет в Москву». Уже посмертно вышла в Москве, в издательстве «Советский писатель», книга его стихов «Хлеб и цветы», а в Архангельске — книга стихов для детей «Книжка про мальчишку и его мечту».

РОССИИ СЫН

Когда меня
огнем термитным жгли,
когда, полуслепой,
я полз жнивьем,
когда все недруги
моей земли
меня закапывали
в ров живьем, —
тогда вставал я
из могил стократ
и видел свет
в разрывах дымных гуч.
России сын —
я был ее солдат
и потому
был яростно живуч.
И потому
с упрямо сжатым ртом,
израненный,
поднялся в полный рост.
И вытер пот солдатский...
А потом
звезду Победы
над Землей вознес...
По Млечному Пути
летит она,
моей мечтой и волей
зажжена.

СИНИЧКА

Мне чаще и чаще прошедшее снится:
Родная застава на дальней границе,
Умытые росами яркие травы,
Село в километре от нашей заставы;

Смешливая девочка с тонкой косичкой,
Которую звал я за песни Синичкой;
Потом называл ее Ната, Наташа,
Когда расцвела она яблони краше.

Как звонко смеяться Синичка умела,
Когда заговаривал с ней я несмело,
И все она что-то сказать обещала,
Да утро июньское нам помешало...

Июньское утро, бои на границе...
Куда ты пропала, певунья-синица?
Где спрятано счастье заветное наше?
Откликнись, Синичка, откликнись,
Наташа!

ЦВЕТЫ

Вы видели на поле боя:
Склонясь от раны пулевой,
Солдат слабеющей рукою
Цветок сжимает полевой?

Цветок своей бессмертной славы
У взятой штурмом высоты...
Так разве лирики не правы,
Что часто пишут про цветы!

Как утра теплая улыбка,
Они нам согревают грудь.
Мы тянем руки к ним из зыбки,
Берем с собой в последний путь.

Цветы! Без прелести их скромной
Не мыслю завтрашнего дня,
Где розы зацветут у домны,
Прохладой утренней маня.

И встанет день — могуч и светел,
Исполнен высшей красоты,
Навеки породнив на свете
Хлеб, и железо, и цветы.

О РОДНОМ ГОРОДЕ

1

Пускай есть города красивей,
Но всюду город мой родной,
Как светлый образ всей России,
Стоял в глазах передо мной.

Был город мой далеким тылом,
Мы шли под тяжестью беды,
И мог бы мне прибавить силы
Один глоток двинской воды.

Я стал счастливецом бы, наверно,
Когда услышал бы на миг
Волны прибрежной шелест мерный
И беломорской чайки крик.

Видать, таков закон земли,
Что все нам близкое, родное
Становится дороже втрое,
Когда окажешься вдали.

2

Как ладонью,
прикрывшись от щедрого солнца
почерневшим карнизом,
где голуби спят,
деревянный домишко
в два тусклых оконца
загляделся
на каменный крепкий фасад,
на асфальт,
на летящие мимо трамваи,
грузовик с кирпичом,
что у крана гудит...
Так спокойная старость,
свой век доживая,
на кипучую юность
с любовью глядит.

ОСЕНЬ НА ДВИНЕ

С. Г. Писахову

Не золотом роц Левитана
Приметна она на Двине,
А дующей лихо моряной
И гребнем на грузной волне.

Идут косяками барашки
Судам океанским вослед,
А солнцу за тучею тяжкой
Как будто и выхода нет.

А в сквере деревья обвисли,
И северной осени в дар
Холодные рыжие листья
На мокрый летят тротуар.

Но смуглые парни из Кубы
Шагают ветрам вопреки
К большому теплу интерклуба,
Где наши их ждут моряки.

И гранитные скалы имеют свой век.
И кремьень. И железо... Но я — человек.
Я не верю, чтоб мог онеметь мой язык,—
Так я землю люблю, так я к песне привык.

Так я каждой былинкой привык дорожить
На земле, на которой родился, чтоб жить,
Чтоб ходить по лесам и влюбляться до
слез
В трепет трав и застенчивость русских
берез...

Чтобы жадно работать, засучив рукава,
Чтобы в сердце искать огневые слова
И хотя б нержавеющей строчкой одной
В песнях счастья звенеть на планете родной

СЕРДЦЕ СОКОЛА

Из поэмы „Ханавэй—Ясноглазый Сокол“

Далеко-далеко отсюда
В незапамятную годину
Дочь снегов — красавица Халя
Родила на восходе сына.

Он лежал на оленьей шкуре,
Смуглый, маленький и горячий,
И смотрел на солнце, не зная,
Почему его неба плачет.

А кругом оживала тундра,
Шла весна к холодному морю.
Но сдавило туже тынзея
Сердце Хали черное горе.

Восемь зорь поднялись над сопкой,
Восемь раз туманы упали —
Не пришел с охоты Янако,
Храбрый муж красавицы Хали.

Не вернулся в свой чум Янако.
На девятой утренней зорьке
Без него стала матерью Халя
И над сыном плакала горько:

— Как расти ты, маленький, будешь!
Ни отца, ни олешков нету.
Ой, сгубили волки Янако!
Ой, лежат его кости где-то!

И на плач ее безутешный
Отозвались дальние горы.
Прокричали сизые гуси
На весенних чистых озерах.

И проквохтали куропатки
В потеплевших кустиках ивы:

«Сын твой смелым воином будет,
С ним вся тундра станет счастливой.

Защитит он бедного ненца,
Злого Тэта накажет сурово.
Не печалься, добрая Халя,
Помни верное наше слово».

А кругом расцветала тундра,
Отражаясь в озерной сини.
Улыбнулась сквозь слезы Халя,
Посмотрела нежно на сына.

Он лежал на оленьей шкуре,
А над чумом, в небе высоком,
Умирал в последнем полете
Ханавэй — Ясноглазый Сокол.

Слепли очи у гордой птицы,
Обессилила крылья старость.
Только сердце так же стучало —
Молодым и смелым осталось.

«С этим сердцем, — подумал сокол, —
Я две жизни б прожил на свете,
Если б сильными были крылья,
Если б глаз был зорок и светел».

И увидев, как гаснет солнце,
Что над тундрой горело веками,
Застонал Ясноглазый Сокол
И упал на землю, как камень.

И взмахнув еще раз крылами,
Сына Хали обнял устало
И свое ему сердце отдал,
Чтоб могучим воином стал он.

А кругом расцветала тундра,
С сопок ветер весенний веял.
Посмотрела на сына Халя —
Назвала его Ханавзем.

**СТЕФАН
НЕДЗВЕЦКИЙ
(1912 — 1941)**

Стефан Недзвецкий родился в 1912 году в Онеге Архангельской области в семье земского врача. Учился в Архангельском педагогическом институте. Работал в редакциях газет «Северный комсомолец», «Правда Севера», «Водник Севера». Его стихи печатались в газетах, а также в журнале «Звезда Севера» и альманахе «Север».

В 1939 году Недзвецкий был призван в Советскую Армию. Служил он рядовым в одной из артиллерийских частей, где его и застала война.

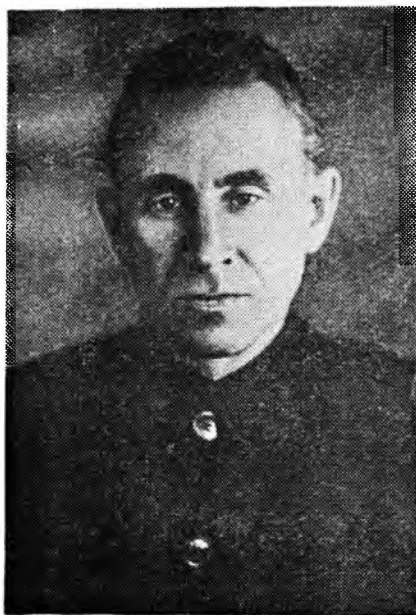
Стефан Недзвецкий погиб в борьбе против фашистских захватчиков, как воин, защитник Родины.

КИЙ-ОСТРОВ

На Белом море,
Между остом и норд-остом,
Куда летел
Британский истребитель,
Окаменел коростою Кий-остров —
Оплот монашеский,
Гранитная обитель.
Ветра шипели
В капюшонах елей.
Елеем клейким
Алтари пропахли.
И день и ночь,
Не выходя из келий,
Молились молча
Мрачные монахи...
Провозгласив анафему
С торжественных эмвонов
(Она звучала,
Как зловещая прелюдия),
Монахи смолкли...
...С колокольным звоном
Безумной судорогой
Дернулись орудия...
Снаряд упал
Исчадием бронированного ада.
Просторы дрогнули
Дремучих плоскогорий...
...И падал скот,
И люди падали на падаль,
И пахли порохом
Обстрелянные зори...
...Бежали беженцы
Из погребов, подполий,
Из бань,
Где на полу распластанные
Туши трупов
Глаза тарачили
От смертной боли,

От медной боли
виккерсов, крезов и круппов.
...Бежали беженцы,
Пугаемые далью.
Они бежали
По замшелым тропам.
Кромсала их
Многодюймовой сталью
Дредноуты пославшая
Европа...
Навстречу им
На выжженное побережье
Шли полесовщики,
Шли люди, от которых
Десант шарахался...
...А на Кий-острове в монастыре же
Лишь шелестели
Шелковые шторы.
Лишь настоятель,
Лысый от излишеств,
Благочестиво спал
В кротком полумраке...
Вдруг наступило
Полное затишье,
Тревожное, как выстрел
В рукопашной драке.
Взбухало море
Волдырями волн. Оно
Срывало с палуб
Орудийные брезенты.
— На запад курс!
Вперед до полного! —
Отдал приказ
Главнокомандующий
Интервентов.
Клобук снимите,
Черный настоятель!
Ушла эскадра...
Больше не греметь ей.
Ваш сан, осанку,
Даже ваше платье
Волною смыло
В прошлое столетье.

На Белом море,
Между остом и норд-остом,
Где возникают, гаснут
Затяжные зори,
В прибое, в ракушках
Шумит Кий-остров —
Наш первый
Северный
Советский
Санаторий!

**БОРИС
НЕПЕНИН**

Борис Непенин родился в 1904 году в Вологде. Окончив среднюю школу, был призван в ряды Красной Армии, с которой прочно связал свою судьбу.

Стихи начал писать со школьных лет. Впервые они были напечатаны в 1924 году в вологодской газете «Красный Север».

В двадцатые годы вышли в Вологде и два сборника стихов Б. Непенина — «Брызги» и «Под красной звездой». В 1930 году в Архангельске выпущен третий сборник «Северный ветер».

**Из цикла
„Под Красной звездой“**

ПЕСНЯ ЧАСОВОГО

Памяти М. В. Фрунзе

Винтовочка каленая,
Свинцовый соловей.
Буденовка зеленая
На буйной голове.

Эх, пели пули, плакали
Кровавою слезой,
Мы в бой тогда атаками
Бросались за тобой.

Поезжено, похожено,
Порублено с плеча.
Ой, весело пригожего,
Любимого встречать!

Цвели степные зорюшки
Без края, без конца,
Не знали горя-горюшка
Кипучие сердца.

Над белыми станицами,
По крымским берегам
Потоком буйным литься мы
Умели на врага.

Гроза ли, непогода ли —
Под знаменем стоим.
Воротим то, что отдали,
Что взяли — не сдадим.

И были ветры-вороги
Развеяны, как дым.
Денечки эти дороги
Горячим, молодым...

Пулям твоим победами
Цвести бы да цвести.
Не знали мы, не ведали
Последнего пути:

Нести порой студеною,
В октябрьскую метель,
Буденову зеленую
Да серую шинель.

Эх, плачь ты, вьюга-вьюженка,
Родимая, крепчай!
Винтовочка-подруженька
Не дрогнет у плеча.

**АНАТОЛИЙ
ОЛЬХОН
(1903—1950)**

Анатолий Ольхон (Пестюхин) родился в 1903 году в Вологде в семье рабочего обувной фабрики. Печататься начал в 1924 году.

В двадцатые годы в Вологде были изданы первые сборники его стихов — «Тундра» и «Бронепоезд». В 1929 году книга «Тундра» переиздана в Москве.

В тридцатые годы А. Ольхон связывает свою жизнь и литературную работу с Сибирью: путешествует по Якутии, Бурят-Монголии, Заполярному Северу, изучает быт и нравы якутов, эвенков, чукчей, ненцев, увлекается их устным поэтическим творчеством, много переводит на русский язык. С этого времени он выступает под псевдонимом Ольхон (название острова у северо-западного берега озера Байкал).

За свою жизнь А. Ольхон опубликовал более сорока книг.

ПРИЗЫВ К ТРЕМ СТИХИЯМ

Ты, море,
Порывом певучим
Ударь в предвесенние дни,
Раздвинь ледовитые кручи,
Сугробы снегов всколыхни.

Ты, ветер,
Рукою широкой
Сорви пелену облаков,
В пустыне моей одинокой
Затеpli огни маяков.

Ты, солнце,
Лучами обрызни,
Счастливым теплом напои
Окраины милой отчизны,
Холодные тундры мои.

Свой голос я к вам подымаю,
Великого отклика жду,
Навстречу желанному маю
В последнюю вьюгу иду.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Опустите бинокли!
Там каменный берег,
Там закутанный тучами
Темный, обрывистый мыс;
Там слетаются ветры из всех неоткрытых Америк
И обтаявший лед осыпается вниз.

Ясно вижу сквозь темную дымку столетий:
Над волнами ныряет дерюжный косой парусок;
Сбоку — бьется другой;
Распластался оборванный третий...

Завывает ветрище,
Пурга сыплет белый песок.

Посвинцовело море,
И неба не видно.
Надвигаются плотные, грузные льды.
Погибают суда!
Зимовать нелегко и обидно:
Растеряются жизни и чьи-то исчезнут следы.

Голод станет томить.
Смерть придет — без могилы...
Поглядите! Они все идут и идут.
Видно, есть на Руси удалецкие силы!
Поговорки о них заклинают беду:

«Удалец — не утонет».
«Удачник — не сгинет»...
Леденеющей бездной,
Последней волной
Вот на отмели эти суденышки кинет,
И гремучая гибель пройдет стороной.

Раскололись суденышки.
Жалкие кочи, —
Долотом да топориком сшиты суда,
Но прошли, не робея, сквозь вьюжные ночи,
По студеным морям залетели сюда.

Капитан-командор Витус Беринг возвышен:
Окрещен его именем русский пролив,
А казак-мореход Семка Дежнев не слышен,
Чуть не веком пораньше к Охотску доплыв.

Эй, казак-удалец,
Сын российской землицы!
Эй, Семен свет-Иванович, встань, покажись!
Ишь, какой ты приземистый да круглолицый.
По плечу тебе трудная, бурная жизнь.

Ишь, какой ты!
В кафтане родного суконца,
В доброй шубе медвежьей,

В московских цветных сапогах...
Борода у тебя ярче рыжего солнца.
Взгляд — пронзителен. Речь — скуповата, строга.

У костра ты стоишь, опираясь на саблю.
Рядом дремлют товарищи странствий твоих.
Зимовать будет люто.
Ты шепчешь: «Души не ослаблю...»
(Так и я говорю себе в час испытаний лихих).

Не ослабнешь, Семен свет-Иванович!
Слава
Подняла твое имя на веки веков:
Этот глыбистый берег
России держава
Закрепила границу материков.

...Опустите бинокли!
Закройте зрачки фотокамер!
Не глазами, а сердцем глядите в рассвет:
Дежнев мыс над Чукоткой поднялся и замер,
Вечный памятник русских побед.

**СЕРГЕЙ
ОРЛОВ**

Родился в 1921 году в селе Мегра Белозерского района Вологодской области в семье учителей. Окончил в 1940 году среднюю школу в городе Белозерске и поступил на исторический факультет Карело-Финского государственного университета.

Осенью 1941 года Сергей Орлов призывается в ряды Советской Армии. Окончив в 1942 году танковое училище, участвует в боях с немецкими захватчиками командиром взвода тяжелых танков. В 1944 году он тяжело ранен и вскоре демобилизован. Награжден орденом Отечественной войны второй степени.

В 1946 году в Ленинграде вышла книга его стихов «Третья скорость», затем сборники «Поход продолжается», «Светлана», «Радуга в степи», «Городок», две книги избранных стихотворений, сборник «Колесо» и ряд других книг. С. Орлов — один из авторов сценария кинофильма «Жаворонок».

Сейчас он живет и работает в Ленинграде.

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не видавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я плянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь».

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу,
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных оконных потемках
Я письма твои ожидал;

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила, как чудо,
Когда умолкала гроза;
Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш...
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком копилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.

И, не выдавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить...
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не сможет не простить.

2

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках...

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной —
И вот фашисты наугад,
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые палят.

Они палят, палят с заката...
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают автоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,

Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пусть машина остывает,
Мы все перенесем с тобой:
Мы — люди, а она — стальная...

ТИШИНА

Тишина на границе такая, что слышится,
Как залетная птаха присела на куст
И упругая ветка над нею колыхнется,
Дождь вчерашний роняя, как пригоршню бус.

Тишина на границе такая, что где-то
В речке окунь плеснет, ветер дальний пройдет —
Слышат все пограничники в строгих секретах,
Молодой, но проверенный в деле народ.

Тишина на границе такая, что слышится,
Если за морем вдруг шевельнется война,
Как в порту под пехотою трапы колыхнутся —
Вот какая стоит на границе у нас тишина!

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.

В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей,
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару все в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком...

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.
Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросычьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу.
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганый, пропыленный,
На шинах с травой зеленой
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

КУРОРТНИКИ

А. Яцину

Сверкали горы в небе гранями,
Пейзаж был ярок и величествен,
Два земляка, два северянина,
Ходили по земле таврической.

А над горами, как пожар, еще
Катилось солнце — море плавало,
Но было грустно двум товарищам,
Одетым по курортным правилам.

На юге загрузив о севере,
О всех делах, что там оставили,
Один подумал: «Как посеяли?..»
Другой: «Как лес на реках сплавили?»

Как там район живет, работает
Да как там планы выполняются,
Когда они здесь, беззаботные,
По бережку у моря шляются?

Но не любили громких фраз они,
И про дела свои хозяйские
Вслух было ими просто сказано
Совсем не так в то утро майское.

Один сказал: «На Белом озере
Еще остатки льдин мерещатся,
И цвета моря море озими
В полях за Белозерском плещется».

Другой вздохнул: «У нас за Вологодой
Черемуха в Никольске ценится,
И, значит, ветер веет холодом,
А здесь — куда от солнца денешься...»

**АЛЕКСЕЙ
ПИЧКОВ**

Родился в 1934 году в семье оленевода. Окончил ненецкую семилетнюю школу, затем учился в Нарьян-марском педагогическом училище и в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена.

В 1961 году в Архангельском книжном издательстве издан совместный сборник стихов А. Пичкова и В. Ледкова «Далеко Сэрне моя живет». А в 1963 году вышла книжка А. Пичкова «Песни тундры».

РУССКОМУ БРАТУ

Укрывались мы дымом костра,
Нам светили летящие искры.
Нас ломали свистящие вихри,
Чтоб забыли мы цену добра,

Чтобы солнечный свет позабыли,
Чтоб не знали тепла и любви,
Чтобы в нашей горячей крови
Струйки злобы коварной скользили,

Чтобы в узких монгольских глазах
Билась ненависть злыми огнями,
Чтоб работать — так только за страх,
Суд вершить в стороне за буграми.

Укрывались мы ветром тугим,
А под головы — руки устало.
Что бы с нами свершилось и стало,
Если б жили под небом другим?!

Если б не был семнадцатый светлый —
Год-рождение любви и тепла!
К нам дорога тогда привела
От усталости конников бледных.

Той же силы и доли батрацкой —
Руки в ссадинах, спины в рубцах.
С ними мы обнимались по-братски
И слезу не таили в глазах.

И клялись мы на красных знаменах,
По обиде и горю родня.
И цветы на долинах зеленых
Привставали, на тропках звеня.

Русский брат, от станка и от плуга,
Свой родной по труду и борьбе,
Мы навек повстречали друг друга,
Ясовея мы видим в тебе.

Олени спят, их чуткий сон недолог,
К земле прижаты пышные рога.
А небо — синий серебристый полог —
Звонит хрустальной чистотой слегка.

Ветра упали, прижимая травы
К земле сырой...
Но бодрствует пастух,
Читая свежий лист газеты «Правда»
Оленям, тундре,
Словно песню, вслух.

Огонь сухой кустарник лижет
Горячим ловким языком.
И пляшет пламя зверем рыжим
Под свежим острым холодком.

Вдали, на гребнях гор, березы
Стоят, одевшись в совики,
И колют лед морской морозы,
Ломают камни на куски.

В тяжелых тучах много снега,
И крупка сыплется, звеня,
На след, на тропку человека,
На пламя буйного огня.

И мы встаем опять на лыжи.
Не падать духом!
Не коптеть!
Пусть пляшет пламя зверем рыжим!
Нам и самим огнем гореть.

Бегут олени, словно стрелы.
Красив их бег,
Как птичий лет.

И по сугробам белым-белым
Луна, как девушка, плывет
В панице яркой,
Сшитой мудро
Из синевы и ярких звезд.
Кто говорит,
Что стынет тундра
И властвует над ней мороз?
Я много видел, много знаю.
Махни, метель, своим крылом!
Я только здесь и оживаю,
Твоим, земля, живу теплом.

**ВИКТОР
ПРОХОРОВ**

Виктор Прохоров — уроженец Новгородской области. Родился он в 1892 году. После окончания Гатчинской учительской семинарии работал учителем.

В 1930 году был одним из организаторов колхоза в своем селе.

Впервые стихи В. Прохорова были помещены в газете «Псковская жизнь», когда он учился в Псковском учительском институте. А в 1963 году в Вологде вышла книжка его стихов «Кипенье».

Сейчас В. Прохоров живет в Устюжне Вологодской области.

ЗЛЫЕ ЛЮДИ ПЕСЕН НЕ ПОЮТ

Если песня
Сон твой потревожит
И нарушит мирный твой уют,
Не сердись,
Ведь песня зла не множит:
Злые люди песен не поют.

Песня в дом влетает
Вешней птицей —
Кто ж скворцам и ласточкам не рад?
Песня — всем любимая сестрица,
А поющий — людям друг и брат.

Вместе с песней
Радость в душу льется.
В ней — любовь
И к подвигу порыв.
И тоска просторам отдается
Через грустный песенный мотив.

А в минуты злобы и разлада
У людей на сердце песни нет.
Зло не терпит
Песенного склада,
Строя козни скрытно, в тишине.

Потому в часы тоски глубокой,
В дни раздумья и сердечных смут
Чуть услышишь
Песню издали —
Вспомни: злые песен не поют.

АЛЕКСАНДР РОМАНОВ

Родина Александра Романова — лесная деревенька Петряево Вологодской области. Родился он в 1930 году. Окончил Вологодский педагогический институт, а затем Высшие литературные курсы в Москве. Много лет работал в областной газете «Вологодский комсомолец», немало ездил по Северу.

Первая книжка стихов А. Романова «Признание друзьям» издана в 1956 году в Вологде, а затем вышли еще пять сборников, один из которых — «За морем березовым» — был выпущен в Москве в 1963 году. Последняя книга стихов «Красное застолье» выпущена Северо-Западным книжным издательством в 1966 году.

ВОЛОГДА МОЯ

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!» —
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы,
А перед глазами — все одно.
Улочка. Снега. Рассвет морозный.
И твоё кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадок сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностаем на плечах...
Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих свысока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я вот: задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

ПО ВОЛЕ НАШЕГО ПАРТКОМА

По воле нашего парткома,
Как добрый знак, что я в чести,
Мне предложили в этом доме
Кружок политики вести.

Кружок политики текущей —
Мудреный, так сказать, кружок,
И вот я вновь в народной гуще,
Среди забот, среди тревог.
Уборщицы и кастелянши
Да с ними слесарь и монтер
Приходят поутру пораньше,
И начинаем разговор.
Событий прожитой недели
Касаюсь коротко сперва
И, чтоб мои слова задели,
Ищу простейшие слова.
Названья дальних стран так странны.
Старушки, век проживши свой,
Об этих землях, этих странах
В кружке услышали впервой.
Я говорю: «Народ на Кубе
Забрал, как мы когда-то, власть.
Враги с Америкой вкупе
На Кубу собрались напасть».
И вижу я: мрачнеют взгляды,
И боль кубинская близка,
И кто-то говорит, что надо
Помочь, не поздно, мол, пока.
Но тут упрек несмелый слышу:
«Всем помогаем — нам почет.
Спешим покрыть чужие крыши,
Забыли, что своя течет...»
Молчанье тягостное длится.
Я жду, какой дадут ответ.
Тревожно вглядываюсь в лица —
На них раздумчивости след.
Вот начинает тетя Глаша:
«Ведь и в семье ведется так,
Что братьям младшим, сестрам младшим
Всегда опорю — большак.
Он, может, сам живет не очень,
Порою нелегко живет,
Но долей младших озабочен —
Уж так завел у нас народ...»
Народу нашему понятна,
Ему особенно близка
Живущих в землях тридевятых

И боль, и радость, и тоска.
И я дивлюсь его любовью
И широтой души дивлюсь,
И я горжусь, что эту долю
Несет достойно наша Русь!

РОВЕСНИКУ

Уже теперь мы с вами —
Подумай, друг, сочти —
С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!
Глядят с альбомов старых,
С простенков избяных,
С полотен, с пьедесталов
Да книжек фронтзых.
По всей стране огромной
Который год подряд
Внимательно и скромно
Они на нас глядят.
И как достойно надо
Нам жить, любить, гореть,
Чтоб самым чистым взглядом
В глаза им посмотреть!

ТРЕВОГА

Это было в деревне, которой нету,
Но в которую можно взглядеться,
Потому что деревня эта
Называется нашим детством.
Ветры теплые там разносили,
Чтобы людям радостно было,
Вечерами в сумерках синих
Дробный стук золотых молотилок.
И в кепчонки картошки ранней
Накопав, сухой, розоватой,

За деревней в легком тумане
Веселили костер ребята.
Это было счастьем, пожалуй,
Только кто понимал едва ли.
И картошины с пылу да жару,
Как мячи, на ладонях летали.
Был один среди нас всех старше,
Всех бойчей — Тихомиров Васька.
Говорили матери наши,
Что дружить с ним надо с опаской.
Без отца, без матери парень,
Без присмотра живет у тетки.
Вот и курит уже недаром,
Вот и шляется, рвет подметки,
Называли матери шалым,
Называли его баламутом.
Только Ваську зря обижали —
Это было ох как не мудро!
Васька нас удивлял смекалкой.
Доставал из штанины ножик —
И в ружье превращалась палка,
И в свистки — ивняк придорожный.
А за это ему ребята
Иногда из карманов отцовских,
Как подарок, несли воровато
По одной или две папироски.
Он закуривал, осмотревшись,
И сквозь зубы чиркал красиво.
Снисходительная небрежность
В каждом жесте его сквозила.
Он ходил все в одной рубашке
И в одном пиджаке потертом,
Но зато — всегда нараспашку,
Но зато — перед нами гордо!
А зимой, бывало, в метели
Нам из дому не отлучиться,
Если мы шарфы не надели
Или шубные рукавицы,
Ну, а Васька даже до школы,
А потом не спеша обратно
Брел за пять километров в холод,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавиц у него не бывало,

А пиджак был слишком коротким.
Ох, не сладко жилось у старой,
У какой-то троюродной тетки...
А потом... Не ждали такого —
Вдруг заряды немецкой стали
Где-то ухнули подо Львовом,
А как будто у нас упали.
Сразу выкрик — война! — осколком
По окошкам и здесь шарахнул —
И качнулась деревня с пригорка,
Будто кто ударил с размаху.
И повестки с железным слогом
Полетели из сельсоветов.
Мужики по жаркой дороге
Уходили в морозное лето...
От беды увядали краски.
Бабы горестно голосили.
Постарела деревня. И Васька
Раньше времени стал Васильем.
Он мотался с плугом на пашне
И ворочал мешки на севе.
И девчонки, намного старше,
Перед ним, потупясь, краснели.
Он остался парнем последним —
Им под вечер и выйти не с кем.
Только он все чего-то медлил,
Все стеснялся... И вдруг — повестка.
Провожали вечером зимним,
Шли и плакали женщины рядом.
В первый раз вот такое с ними —
Стали все ему матерями!
Запоздавшее чувство горько...
Торопясь, из домов приносили
Самосад, папиросы, махорку —
Мол, бери и кури, Василий.
Он по улице шел, как бывало,
Кулаки в рукава запрятав.
Рукавицы ему совали —
Сколько вдруг! — на меху, на вате.
Что бы сделать еще — не знали...
Мы, мальчишки, ватагой спешили.
Он сначала простился с нами,
А потом простился с большими.

Уходил он старинной дорогой
Навсегда — только мы росли бы:
Из деревни она — для многих,
А обратно — лишь для счастливых...
...Вот с приятелем мы в деревне.
Вспоминаем давнее время.
Вдруг земинка, и слышу с болью:
«Тихомиров? Васька? Не помню...»
Умирают солдаты дважды:
От штыка или пули вражьей
И спустя много лет, в грядущем,
От забывчивости живущих.
Только сердце не примирится
И не будет с этим согласно.
Мне которую ночь не спится...
Встань в стихах,
Тихомиров Вася!

ДИОНИСИЙ

В Вологодской области находится Ферапонтов монастырь — исторический памятник древнерусского зодчества. В 1500—1501 гг. его расписывал гениальный русский живописец Дионисий.

Когда-то было в Белозерье это,
В монастыре, затерянном в лесах,
Иконописец в памятное лето
Богopodobно красками писал.
И пахари, забыв на время дело,
У врат соборных грудились толпой
И, задирая головы, глядели
Восторженно на купол голубой.
Там совершалось чудо. Дионисий,
Лобастый и приземистый старик,
Касался сводов немудреной кистью —
И на камнях рождался дивный лик.
И что-то очень близкое, земное
Сквозило в лике матери святой.
И люди с обнаженной головою
Немели перед этой красотой.

...В молчанье строгом я гляжу
на фрески,
Хранящие седых времен следы,
И вижу в них не ангелов библейских,
А дальних предков мудрые черты.
И говорят об этом фрески сами,
Что наши предки в глубине веков
Своими гениальными руками
Себя творили в образе богов!

ЕЛЬ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать,
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе вычертив кривую
И последнюю черту,
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрее,
Все ниже,
Ниже,
Понимая,
Что не выжить.
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки —
И
Тяжелый вздох!

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина,
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей,
А может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела вполоборота,
Как будто и дела мало,
Что ею любитесь кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —
Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.
С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одернула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...
Спасибо, тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что ты про наших красивых
Собой хорошо напомнила.

Судьба не сладкая — вдовья —
На праздники не красна.
А понедельников вдоволь
Для матери припасла.
Мать сеяла хлеб и жала,
Не думала о себе:
Одна осталась большая,
Все маленькие в избе.
...Какие года пережили!
И шутит грустно она:
«Теперь все стали большие,
А маленькой — я одна...»

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Родился в 1936 году в Архангельской области. Но почти все детство прошло на Вологодчине, вблизи древнего города Тотьмы.

Позднее Н. Рубцов учился в техникуме, работал кочегаром в Архангельском траловом флоте, с 1955 по 1959 год служил матросом на Северном флоте.

После службы работал на Кировском заводе в Ленинграде. В настоящее время — студент Литературного института имени А. М. Горького.

В 1963 году в Северо-Западном книжном издательстве вышла книга его стихов «Лирика».

Тихая моя родина!
Ивы, луна, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где же могила, не видели?
Поле до края небес!
Тихо ответили жители:
— Каждому памятник — крест.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос!

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил.
Тихая моя родина!
Я ничего не забыл...

Старый забор перед школою,
Тщательно выметен сор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!
Поле, холмы, облака...
Медом, зерном и сметаной
Пахнет в тени ивняка!

С каждой избою и тучею,
С промом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь...

ЖАР-ПТИЦА

1

Когда приютит
 задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая процесс листопада,
Лениво сидит и болтает ногой.
Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче
Там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне...
А дальше за лесом —
 большая деревня!
Вороны на елках, старухи в домах,
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село
 с колокольнею древней...

2

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь!

Галопом колхозник погнал лошадей,
А мне уж мерещится русская удаль,
И манят меня огоньками уюта
Жилища, мерещится, лучших людей!
Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова,

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветреным франтом в машине катился,—
Ну, словом, как бог, я везде побывал,
И все же, и все же домой воротился...

3

— Старик! А давно ли
ты ходишь за стадом?
— Давно,—говорит.— Колокольня вдали
Деревни еще оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили..
— А ты не заметил, как годы прошли?
— Заметил, заметил! Попало, как надо!
— Так что же нам делать,
чтоб жить интересно?
— А ты,—говорит,— полюби, и жалея,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей!..
— Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу!..

4

Как просто в прекрасную глушь листопада
Уводит меня полевая ограда,
И детское пенье в багряном лесу,
И тайна древнейших строений и плит.
И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг,
затревожит,
Что осень, жар-птица, вот-вот улетит..

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы, будто наяву,
Блеснет в глаза
кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя!..
Россия, Русь —
куда я ни взгляну!

За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои поверья,
 бунты бедноты
И твой степной
 бунтарский
 свист разбоя!
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя...

Но кто там
 снова
 звезды заслонил?
Кто умертвил цветы твои и тропы?
Где толпами протопают они,
Там топят жизнь кровавые потопа!
Они несут на флагах черный крест!
Они крестами небо закрестили!
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
 в окрестностях
 России.

Кресты, кресты...

Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони!
И вдруг увижу:
Смирно на лугу
Траву жуют опутанные кони.
Заржут они, и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной —
 бессмертных звезд Руси,
Высоких звезд спокойное мерцанье...

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

А. Передреву

Потонула во тьме
Отдаленная пристань.
По канаве помчался —

Эх! — осенний поток,
По дороге неслись
Сумасшедшие листья,
И порой раздавался
Пароходный свисток.

Ну так что же, пускай
Рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет
Затаившийся снег!
На тревожной земле
В этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый,
Неплохой человек!

А последние листья
Вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись,
Выбиваясь из сил!
На меня надвигалась
Темнота закоулков,
И архангельский дождик
На меня моросил...

МИХАИЛ СКОРОХОВ

Родился в 1926 году в городе Чистополе на берегу Камы. Во время Великой Отечественной войны работал на заводе наладчиком токарных автоматов. В 1952 году окончил Литературный институт имени Горького. Работал в редакции газеты «Полярная звезда» на Диксоне, корреспондентом ТАСС по Архангельской области. Член Союза писателей.

В Москве вышла первая книга стихов М. Скороходова «Лицом к океану». В Архангельске изданы поэтические сборники «Грани жизни», «Камнеломка», роман «Превосходящие силы», сборники рассказов «Человек в тундре» и «Невидимый берег», повести для детей «Дым над островом», «Тайна острова Ваули» и «Северные робинзоны».

Не хочу, чтоб жилось легко мне,
И горжусь, что спокойного дня
Ни единого, сколько помню,
В жизни не было у меня.

Пусть безоблачно в небе высоком,
Пусть купается в зелени дом —
Окровавленный горьковский Сокол
Надо мною машет крылом.

РЕЙС «АВРОРЫ»

Вечер опускается на город,
Огоньки мерцают в синеве,
И видна на фоне звезд «Аврора»
У стены гранитной на Неве.

Неподвижны грозные орудья,
И винты стальные не шумят.
Вечная стоянка... Только люди,
Слышал я, другое говорят.

Слышал я такие разговоры:
Ночью накануне Октября
Оживает тихая «Аврора»,
С шумом поднимает якоря.

И уходит в рейс необычайный,
И плывет вдоль всех материков.
В эту ночь глядят с тревогой тайной
В окна обитатели дворцов.

Ни вина, ни музыки, ни танцев...
Что вдали увидели они?
Может быть, Летучего Голландца
Сердце леденящие огни?

Нет, они увидели другое:
Там, вдали, «Аврора» проплыла,
Ослепив их и лишив покоя
Блеском орудийного ствола...

Входит утро праздничное в город,
В чистом небе вспыхнула заря.
Дремлет в мирной тишине «Аврора»,
Брошены навечно якоря.

Неподвижны грозные орудья,
И винты стальные не шумят.
Вечная стоянка... Только люди,
Слышал я, другое говорят.

НЕБО

Маленькая девочка в Сан-Франциско,
услышав рассказ об ужасах атомных бомб,
спросила свою мать: «Мама, не можем ли
мы уехать в такую страну, где нет неба?»

Из газет

Пусть все бомбы,
сколько есть на свете,
на меня упали бы
на одного,
только б неба
не боялись дети,
а, как я, любили бы его!..

Над землею
ходят тучи низко,
атомным грозят они разрядом,
но живи и здравствуй
в Сан-Франциско
девочка с таким недетским взглядом.
Только знай: под окнами твоими
тот, кто вновь мечтает о войне,

кто твоих ровесниц
в Хиросиме
сжег однажды в атомном огне.
Обо мне плетет он небылицы.
Ты не бойся, девочка, меня,
я за мир
готов с ним насмерть биться,
пусть он меня боится,
как огня.

Ты не знаешь детства...
Как хотелось мне бы
дать тебе частицу
ласкового неба!
Ты бы без конца им любовалась,
звездам,
зорям,
солнцу
улыбалась...

Выгнать бы убийц из Вашингтона,
Сан-Франциско, Лондона и Бонна,
остров бы для них освободить,
их
на этот остров
поселить,
и все бомбы,
сколько есть на свете,
разом бы обрушить на него,
чтобы неба не боялись дети,
а, как я, любили бы его!

КАМНЕЛОМКА

Здесь край земли... Обломки корабля,
Обветренные, мертвенные скалы,
Полоски нерастаявшего снега,
Безмолвный, голый, безотрадный берег,
Обрыв над бездной—край Большой земли.
А в светлом море на огромных льдинах,
Под ласковым незаходящим солнцем,

Блестя клыками, нежатся моржи,
Раскинув лапы, сладко дремлют нерпы.
А рядом в тундре — травы и цветы,
Весна согрела каждую былинку.
Какая ночь... Как чист и нежен свет
Усталого полуночного солнца...

И ожил берег! Чудо из чудес —
На камне пламенеет камнеломка.
Пицат птенцы в тени багряных веток,
И пуночки вызванивают трели,
И светится в расселинах вода...

В полярной мгле гудели злые ветры,
С лица земли стирая красоту.
Как радостно здесь видеть царство света
И скалы, отогретье в цвету!

ПОДСОЛНУХ

Весь в цвету под солнцем нежится
И звенит ручьями дол.
Там подсолнух в утро раннее
Над ромашками расцвел.

Проходила мимо девушка,
Беззаботна, весела.
Золотую его голову
Закружила... И ушла.

**ВАСИЛИЙ
СОКОЛОВ**

Василий Соколов родом из Вологодского Прионсжья, из города Вытегры.

В 1926 году он по рекомендации автора «Чапаева» Дмитрия Фурманова, с которым переписывался, поступил на рабфак Ленинградского технологического института. Затем учился заочно в Литературном институте им. А. М. Горького.

Сейчас В. Соколов — член Союза писателей, живет и работает в Новгороде. Он автор двух сборников стихов — «Праздник сердца» и «Просторы».

Здравствуй, земля моя, где якорями
Корни деревьев в суглинок вросли.
Здравствуй, земля моя,
Я, северянин,
Слушаю долгие песни твои.

Сосен шатры на песке побережья,
По горизонту плоты да суда.
Снова я славлю тебя, Прионежье,
С криками чаек, где плещет вода,
С вьюгой,
С до поясной залежью снега,
С темной суровостью зимних лесов.

Спросят:
Ужели влечет человека
Стылого неба неласковый зов?
Спросят:
Бывает ли сердцу теплее
Там, где обижена солнцем земля?

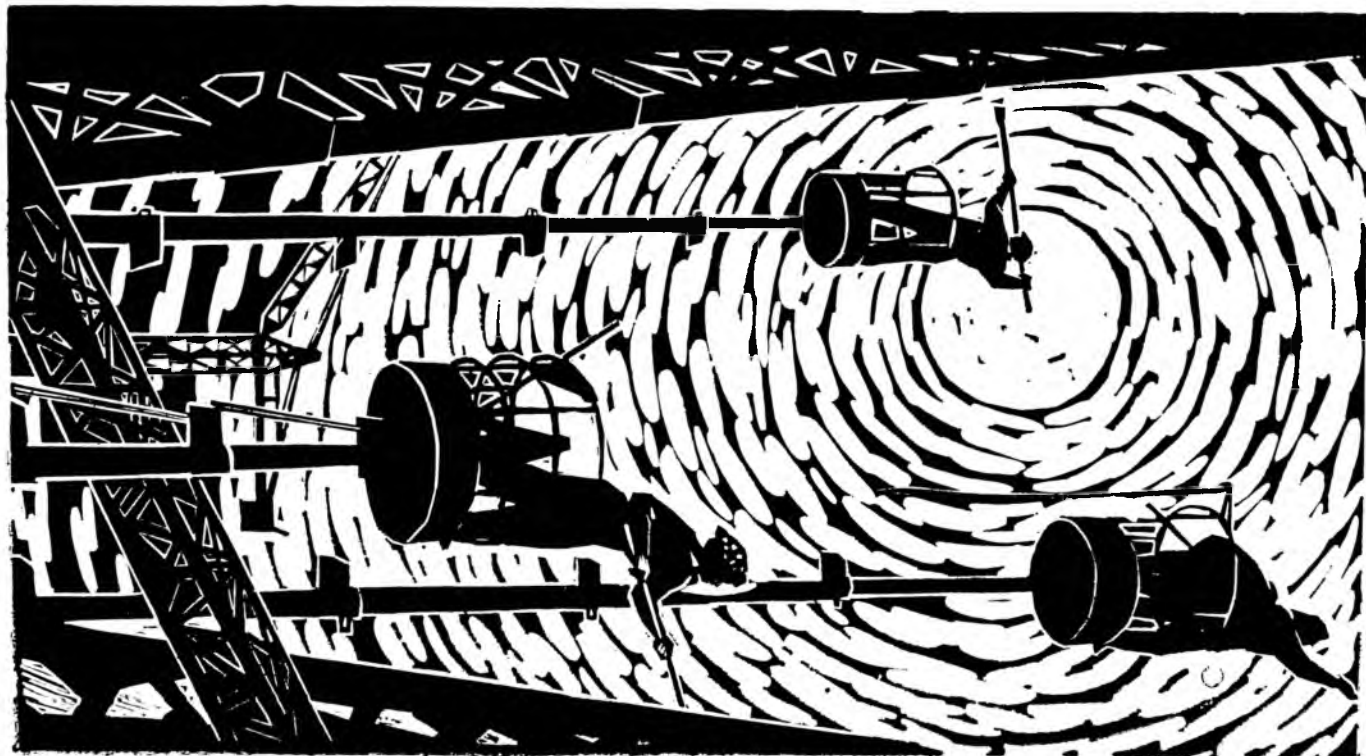
Пусть бы спросили об этом в апреле
С юга летящего к нам журавля.

НА ОЛОНКЕ

Острове́рхого леса гребенка
Чешет ночью и днем облака
В том краю, где струится Олонка —
Обойденная славой река.

А плоты —
Этой славы основа —
По Олонке плывут.
Их не счесть!
И скажу не для красного слова:
Высока земляков моих честь.

В. Вожливец. Стройка.

Тяжелы их ладони и грубы,
Оттого что не с легким пером —
Дружат с бензопилой лесорубы,
Плотогоны — с намокшим багром.

Проплывут по реке караваны —
Диву дашься, когда ввечеру,
Покорясь тем ладоням, баяны
Заведут на поселке игру.

Осень в свадьбах пройдет, в погулянках,
А как снег заскрипит под ногой,
Запоют снова пилы в делянках
Так, что песни не надо другой.

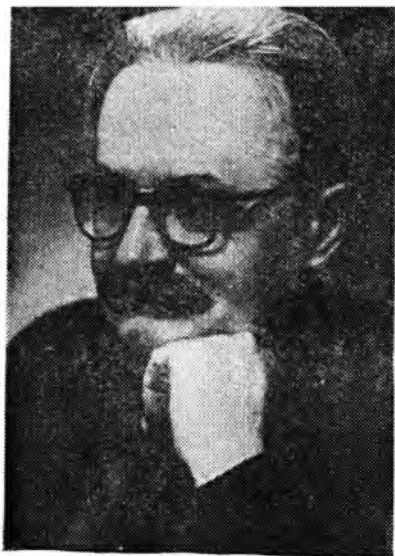
СЧАСТЬЕ

Мороз всю ночь скрипел зубами
В тяжелом сне, а на юру
Сшибались тупо льдины лбами
И смерзлись плотно поутру.

Тяжелым снегом, словно мелом,
Сегодня берег замело.
На берегу, на море Белом,
Живу и всем пишу:
— Тепло!

Пишу, что льдисты наши снасти,
Что роботы жестки, словно жесть.
А есть ли, спрашивают, счастье?
Я отвечаю:
— Счастье есть!

Оно и прежде не таилось —
Поморы сказывали мне —
Иначе город бы не вырос
На дальней Северной Двине.

**ГЕОРГИЙ
СУФТИН
(1906—1966)**

Георгий Суфтин родился в 1906 году в деревне Антюшевской Кировской области в семье крестьянина.

С 1925 года он на журналистской работе. Сначала в Великом Устюге, а в 1932 году переезжает в Нарьян-Мар, где работает в окружной газете «Нарьяна-Вындер» и является одним из организаторов литературного объединения «Заполярье».

С 1935 года и на протяжении двадцати лет Г. Суфтин работал в редакции газеты «Правда Севера».

В 1940 и 1947 годах в Архангельске выходят сборники стихов Г. Суфтина, а затем книга его очерков «Заполярные встречи». В последние годы Суфтин в основном работает над крупными прозаическими произведениями — повестями «Сын Хосея» («След голубого песка»), «Семейный секрет» и романом «Макорин жених», также изданными в Архангельске.

СИЛА ЛЮБВИ

Ненецкая легенда

Поедешь к студеному морю, спроси у людей — не слышали,
Кто краше всех девушек юных полуночной стороны?
Охотники и оленеводы в голос ответят: Халя,
Любимая дочь Пырерки. Свежее морской волны,
Игривее важенки нежной, ловчее полярной лисицы,
Смелее орла молодого и ярче звезды она.
Как уголь, черны ее косы, как ветер, легки ресницы,
Как утро, она румяна, как тонкая ель — стройна.
От Кожвы до Варандея, от Пеши до Салехарда
Сверкает по раннему насту крутой изгиб полозниц,
Мелькают на снежных сувоях в оранжевых лентах нарты —
Оленьи упряжки мчатся быстрее перелетных птиц.
Все к ветхому чуму Пырерки, к далекой глухой стоянке
Слешат, обгоняя друг друга, — Нукан, ясовей лихой,
Богатый Ламбей-оленщик, и храбрый охотник Хылянко,
И зоркий пастух Хенера, и Сармико-Волчий Вой.
— Чем сердце твое затронуть, скажи, Озерная Рыбка?
Нет в тундре такой преграды, которой страшится Нукан.
Захочешь, с тобой поедем по летним болотам зыбким,
По горным хребтам каменистым сквозь злой ледяной буран.
Я знаю все прихоти ветра, мне каждая сопка знакома
И, словно старый приятель, кивает любой саундей.
С тобой мы уедем далеко, туда, где рождаются громы,
Где лебеди плещутся звонко в холодной и чистой воде.
Скажи же, Озерная Рыбка, твое вострепелось ли сердце? —
Глаза к земле опуская, спросил ясовей Нукан.
Ламбей, богатый оленщик, сверкнув серебряным перстнем,
Шагнул степенно и важно, держа подарок в руках.
— Дочь Пырерки! В просторном чуме моем богатства немало:
Лежат дорогие сукна нетронутыми в возах,
Пушнины несчетные вьюки, котлы самолучшего сала...
На стадо оленье взглянешь — тотчас зарябит в глазах.
Семь лун над землей погаснут — вокруг не объехать стада,
Семь раз зацветут варюи — оленьих рогов не счесть.
Все это твое, коль скажешь, что сердце подарку радо,

Богатой хозяйкой будешь, на золоте станешь есть...
Тут храбрый охотник Хылянко откинул шапку на плечи.
— Чем я одарю красавицу, чтоб гордое сердце прельстить?
Стадами, богатой кладью? Нет, хвастать охотнику нечем.
Коль хочешь, люби такого, не хочешь — навек прости.
А зоркий пастух Хенера не смог промолвить и слова,
Лишь смуглые щеки вспыхнули, будто полночный харп.
Четвертый и самый юный вскочил, порывист и ловок.
— Сестра весеннего солнца, дарящего свет и жар!
Я, сын пастуха Хосея, останусь на этом месте,
Иль в чум отцовский уеду, но не один, а с тобой.
Богатство мое простое — протяжная долгая песня.
Люди меня прозвали Сармико-Волчий Вой.
Но песня моя нежнее ласки весеннего ветра,
Песня моя сильнее грохота льдов морских.
Будь же моей невестой, дочь пастуха Пырерки!
Будет любить тебя жарко Сармико, твой жених.
Тихо из мокодана дым к облакам струится,
Ждут женихи ответа, волнение в крови уняв.
Чуть улыбнулась Халя. Чайкой, морскою птицей
Улыбка ее блеснула, радуя и маня.
— Я не хочу подарков, богатства меня не прельщают,
Сердце мое свободно, ровно бьется оно.
Ждет, чтоб его опалила сила любви большая,
Только вот где эту силу ему повстречать суждено?
В ваших словах, соседи, многое мне открылось.
И вот я хочу проверить твердость ваших сердец.
Тот, кто семь дней на солнце будет смотреть безотрывно,
Тот на восьмой день утром скажет Пырерке: «Отец».
Халя умолкла. Крякнул тучный Ламбей-оленик,
Медленно напобаясь, поднял дорожный хорей.
Смело взглянул на солнце, но и мгновения меньше
Мог устоять не зажмурясь Нукан — удалой ясовой.
И зоркий пастух Хенера, и храбрый охотник Хылянко
Вслед за другими скоро в обратный пустились путь.
Только один остался на дальней глухой стоянке,
Только один решился невесте в лицо взглянуть.
Солнце над белой тундрой восемь раз поднималось,
Землю неверный сумрак окутывал восемь раз, —
Сармико голову книзу не опустил. Не касалось
Солнце лучом слепящим его восторженных глаз.
— Халя, Подснежник Ранний! Твое последнее слово
Будет моим законом. В жертву своей любви

Ты получить хотела радость света дневного.
Ты говорила сердцу: «Бейся, люби, живи!
Но не для тебя в полночь сполохом небо взметнется,
Не для тебя откроет тундра зовущий простор...»
И что же? Стремясь к любимой, у Сармико сердце забьется,
Но заслезится тусклый, бессильный, потухший взор.
Нет! Не к такому счастью Сармико рвется упрямо.
Нет! Тропа не такая в жизни ему легла.
Ярое солнце сверкало восемь раз над горами,
Восемь раз заливала землю ночная мгла.
Я не взглянул на солнце. Передо мной сияли
Взоры моей любимой ярче его лучей.
Видал я, ослепленный, улыбку солнечной Хали,
И кровь в моих жилах бурлила радостней и горячей.
Скажи, Голубая Снежинка, свое последнее слово.
Любовь победит, развеет черную жуть слепоты,
Чтоб вместе с тобой искать нам тропинку счастья большого,
Вместе с тобой пропеть нам песню прекрасной мечты...

Поедешь к студеному морю, спроси у людей — не слышали,
Откуда доносит ветер полуночной стороны
Песню о Сармико смелом, о гордой девушке Хале,
О человеческом счастье буйную песню весны?

ВЕТЕР ВЕСНЫ

Крутится солнце вокруг Вайгача —
Слева зайдет, направо уйдет.
Пробует солнце концом луча
В бухтах зеленый лед.
Гонит с холмов крутогорбых прочь
Долгой зимы шелуху.
Кончилась ночь. Растаяла ночь.
Сбросил Вайгач доху.
И на зимовке стоит кутерьма —
Ждут дорогих гостей,
Привета от друга, любимой письма,
С родины дальней вестей.
Щетки и бритвы идут нарасхват,
Не остывает уют,
Лоском невиданным туфли блестят,
Струнками — складки брюк.

Мир сотрясая, ревет пароход.
Миг долгожданный настал.
К берегу катится, в скалы бьет
Грузный соленый вал.
И почтальон, безбородый старик,
Штурмом был взят толпой.
Сколько расспросов про материк
Сыпалось наперебой!
И повторялось десятки раз
Слово волнующее — она!
И прогоняла усталость с глаз
Теплой рукой весна.
Но почтальон — человек деловой —
Не знал восторженных слез.
Будто святыню, подняв над толпой,
Он сумку свою пронес.
Шел величавый, смешной старикан
Мимо скалистых круч,
Оберегая в скупых руках
Рыжий почтовый сургуч.
Люди смотрели ему в спину,
На миг о весне забыв,
А море выбрасывало в вышину
Солнечные столбы.
Море кидало на берега
Грузный накат волны.
Дул на остров с материка
Теплый ветер весны...

СУМЯТИЦА СВЕТА

Вам случалось бродить по снегам,
Когда тонкие иглы мороза ломаются,
Прикоснувшись к добротным мехам
Разукрашенных вышивкой малиц?

Ветра нет. Тишина беспредельно остра.
По земле пробегают неверные смутные тени,
Словно вспыхнувши, гаснет косматое пламя костра,
В облаках зарождается света и красок смятенье.

Будто вышел верзила маляр для потех
Под зенитом размахивать кистью широко и бодро,

Солнце, музыку, радость и смех
Перепутавши с краскою в ведрах.

И глядишь, потерявши пространству и времени счет,
И сумятицей чувств отвечаешь сумятице света.
Облака полыхают, ликуя еще и еще,
И внезапно темнеют, неистовым мраком одеты.

Мрак на землю упал — не разыщешь и след свой,
И становится тундра угрюмой, сердитой, горбатой.
А морозище! Северный полюс в соседстве,
Совсем недалеко, вот тут, за лоцвахтой...

АРКАДИЙ СУХАРЕВ

Аркадий Сухарев родился в 1912 году в Подольске Московской области. Его имя появилось в советской литературе в начале тридцатых годов. Первая книжка стихов вышла в 1932 году в Государственном издательстве художественной литературы в Москве. В те годы произведения поэта широко публиковались в московских журналах, включались в школьные хрестоматии. Но затем А. Сухарев на долгие годы был оторван от творческой работы.

Сейчас он живет и работает в Вологде.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

В трущобах, где путь загорожен
и пешим и конным
еловыми лапами тысячилетней тайги,
Где лешему только

седлать бы китайских драконов,
сегодня в овраге оставили след сапоги.
И вот мандолина в палатке

щебечет под вечер,
антенна дрожит,

и, предвестием новых начал,
в тайге отбивают куранты

всесветно, как вече,
двенадцать
часов

по ночам.

На севере где-то

циклоны качают туманы,
над трассами дрейфа

полярная стужа лиха,
но люди идут по хрустальным полям океана,
горячие губы упрятав в оленье меха.

Там дрогнут, бывает,

полярных сияний гардины,
когда позывные Москва подают москвичам,
и падают медью сигналы

на ломкие льдины
в двенадцать

часов

по ночам.

Винты и колеса

проносят нас через широты,
а эхо с одышкой вторит моторным басам,
но счет скоростей

мотористы ведут и пилоты,
советские парни ведут

по московским часам.

Они заливают

горячим металлом опоки,
возводят плотины,

считают ряды кирпича,
и слышат они,
как колотится сердце эпохи
в двенадцать
часов
по ночам...

У ПЛОТИНЫ

Мы устали и,
сев на бетонные кольца,
пропустили реку арматурой бряцать...
И тогда
к нам начальник прислал комсомольца,
агитатора, что ли...
Юнца.
Агитатор скандировал,
словно былину,
пригласив оглянуться назад,
о героях гражданской
со взором орлиным,
о делах на Магнитной,
о штурме Берлина...
Мы молчали, потупив глаза.
Он ушел, огорченный,
и только ушел он,
молчаливые,
голые,
в рост,
не пасуя у льдин на подходе тяжелом,
мы пошли и спасли водосброс.
И весна по нему покати́лась лавиной,
салютуя с утра допоздна
комиссарам гражданской со взором орлиным,
комсомольцам Магнитки,
героям Берлина,
Нам,
которых юнец не узнал...

Теперь,
откинув крылья занавесок,
гляжу и долго я и далеко,
но ничего не вижу я над лесом
за шлаковым отвалом облаков
Не потому,
что небо оскудело,
а просто я старею и устал.
И жалко мне
годившийся на дело,
но зря сгоревший в юности металл...

НОВОСЕЛЬЕ

Снова встали,
Снова сели
к самобранкам стиранным...
Новоселье,
новоселье
в сорокаквартирном!
Со смоленой бочко-тарой
на сто кружек во сто рук
и с ведерным самоваром
для трудящихся старух.
Мы им в скором времени,
пусть цена не мизерна,
лишь получим премии,
купим телевизоры.
Сколько ими сварено,
Стирано и парено,
чищено от плесени!
Пусть сидят,
как барыни,
им теперь на пенсию.
Ходят двери на шарнирах,
всюду стулья и герани,
у плиты гора гарниров,
пахнет косточкой бараньей,
но —
не пить пришли,
не гулять пришли,
а на празднике веселом
тост поднять за новоселов.

А коль портятся без дела
Сразу три аккордеона,
И хозяйка приготела,
и охрипла радиола,
будет пляска...

Закури —

и в сторонку вариво...

Эх, жги, говори,
разговаривай.

Я и шила и порола,
все боялась узко:
шила не для рок-н-рола,
а для нашей русской,
по ковру, да по паркету,
не лаптями у межи,
где накрапы фиолетовые рос.
Умер сукин сын
камаринский мужик,
внук его —

не сукин сын.

А с виду прост.
Выходит как бы с ленью
и хлопает в ладоши,
ударил по коленям,
похлопал по подошвам,
прошелся со сноровкой,
как будто мнет полынь,
и стукнул в «сороковку»:
добротны ли полы?
А те, никак, из граба —
попробуй растряси...
Российские прорабы,
хозяева тесин,
вручат ключи от комнат,
а после как закон
о них-то и не вспомнят
на празднике таком,
где скатаны постели,
где сдвинут гардероб,
где нынче новоселье
на сорок
ордеров!

**АЛЕКСЕЙ
ТРАПЕЗНИКОВ**

Родился в 1930 году в деревне Ненокса Приморского района Архангельской области. После окончания семилетки плавал на траулере учеником машиниста. В 1950 году окончил Архангельский электротехникум связи.

Писать стихи Траpezников начал рано. Но впервые они появились в печати в 1952 году в сборнике «Слово молодых», выпущенном Архангельским книжным издательством. А. Траpezников выступал также со стихами в альманахе «Север» и в коллективном сборнике стихов «Моряна», изданном в Архангельске в 1963 году.

ДОМА

О, как манит меня приветливый
Наш рыбстановский огонек.
Да, давно в эту пору летнюю
Не носил я больших сапог.
И давно не служил подушкой
В косогоре мне куст травы.
А когда-то любил я в избушке
Слушать новости из Москвы.
Эй ты, шляпа, лети на бревна.
Падай рядышком макинтош.
Разве можно ходить по-модному,
Если день у моря хорош.
Разве можно прослыть на родине
Созерцателем, чудаком?
Милый край мой, считай сегодня,
Что пополнился рыбаком.
Да такую мне дай нагрузку,
Чтоб в работе всю потеть.
Без полета и трясогузка
Ничего не сумеет спеть.
И когда нелегко мне станет,
Грусть осядет на дно души,
Растряси-ка меня моряной,
По-хорошему отхлещи.

МОНТЕРЫ

Просмотрены газеты и журналы.
И сложено в коробку домино.
Но бесполезно в клуб идти: кино
совместно с пароходом запоздало.
Хозяйка угощает крепким чаем:
— У нас в деревне пива не найти...
— Григорьевич, — монтеры величают, —
А ну-ка нам чего-нибудь прочти.
Потом смеются: — Плюнь на эти мхи
и дуй туда, в писательские штаты.

Б. Лукошков. Окно.

Наверно, там хорошая зарплата
дается за рассказы и стихи...
Колотит в окна, разъярясь, вода,
и нас пугая, небо потемнело.
Но все равно по просеке замшелой
мы вновь потянем завтра провода.
И вновь шутить мы будем, что грибы
Все прячутся от нас или от ветра.
Зато по двадцати на километре
идут-растут сосновые столбы.
Немало сел мы встретим на пути
и линию сдадим еще не скоро.
Не раз, я знаю, скажут мне монтеры:
— А ну-ка нам чего-нибудь прочти.

НИКОЛАИ ТРЕПКИН

Родился в 1918 году в деревне Саблино Калининской области. А в 1931 году семья переехала в один из совхозов Московской области в районный центр Латошино.

В годы войны Н. Тряпкин работал колхозным счетоводом в Архангельской области. Позднее, в пятидесятые годы, он снова приезжает на Север, живет и работает в Архангельске. В 1956 году в Архангельском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Белая ночь». Неоднократно издавались стихи Н. Тряпкина и московскими издательствами. Последний сборник стихов «Песни весенних дождей» выпущен издательством «Московский рабочий» в 1964 году.

Николай Тряпкин живет и работает в Москве.

Я живу у холодного моря,
За разводьями северных рек.
На открытом сухом косогоре,
На песчанике белом, как снег.

У сосны, покривленной ветрами,
На последнем кругу журавлей,
За лесами, лесами, лесами,
На куличках у многих чертей.

Гонит море кудлатые челки,
Тараторит вдали катерок.
Я живу на рыбачьем поселке,
У конца всех наземных дорог,

У конца всех путей, у начала...
И сегодня с проталин вот тут
Не сама ли весна прокричала,
Что буксиры на юг поплывут!

И не гложет вечерняя дума:
Далеко, мол, родимый порог...
Встречу гостя из красного чума
И разрежу стерляжий пирог.

А расцветку полярных сияний
Привезу я своим землякам,
И рассыплю на майские ткани,
И девчонкам на ленты раздам...

И живу на крутом косогоре,
За разводьями северных рек,
У седого холодного моря —
На чужой для него человек.

БЕЛАЯ НОЧЬ

А. Н. Семакову

Уже грести не стало воли,
Уже задумалось весло,
А море с песенкой о дроле
Себя дымком заволокло.

И там, далеко, на стоянке,
И недалеко от зари,
Звучат полуночные склянки
И засыпают рыбаки.

И только птички караваны
Судам покоя не дают,
И только белые туманы
Вдали, как айсберги, плывут.

И все так призрачно одето,
И так по-странному светло,
Как будто тени стали светом,
А утро в сумрак перешло.

И вдруг с какой-нибудь Шелони
Ударит ветер прямым —
И забурлят глухие тони,
Играя красным поплавком.

Но слышу — там же, на стоянке,
На добрый сон родной земли
Звучат медлительные склянки
И тихо плещут корабли.

И снова песенка о дроле
С такою дрожью голосов,
Что и веслу не хватит воли
И языку не хватит слов.

АРГИШ *

Снег, да поземка, да сумрак Мезени.
Скользкие нарты проносят олени.

Гулко летит по звенящему насту
Аргиш лихой под луною скуластой.

Аргиш — по звездам, по ветру, по слуху...
Жутко вот так неприютному духу!

Скоро вон там, на ненастном отроге,
Тундра задует в пустынные роги.

Снег, да луна, да скрипенье осоки,
Рядом — собачьи голодные склоки,

Где-то вон там, за горами, лесами,
Жил я со старыми добрыми снами.

Аргиш — по звездам, по волчьему следу,
Где моя пристань? Куда я приеду?

Свистну хореем, привстав на колени...
Светится сумрак, топочут олени.

Аргиш, да песня, да ветер с Печоры,
Где мои сказки про вешние горы?

Старые сказки с веселыми снами
Снежно пылью свистят под санями.

Хорошо,
 когда забродит холод,
Поскучать у печки при огне.
Вот сажу. А был когда-то молод
И гулял по Северной Двине.

* А р г и ш — олений поезд, которым управляет один человек.

Ой, гулял на том на пароходе
(И прозвание помню — «Здоровяк!»)...
О косматой северной погоде
Сказы плел, — и уж не помню как.

Север, север!
С моря шла моряна,
А к морям — хвоя, хвоя, хвоя.
Может, вплоть до острова Буяна
Плавала посудина моя.

А на хлопцах брякали медали,
Да еще (из области мечты)
Где-то нас рыбачки поджидали —
Девы несравненной красоты!

Ой, ходила бурная моряна,
А Двина плыла, плыла, плыла.
Не за тем ли островом Буяном
Ты, моя любимая, жила?

Вспоминаю палубы раскачку
С непременно чайкой над водой.
Может, наилучшая рыбачка
Уходила в плаванье со мной.

Достаю старинные медали
Да еще вот эти (о мечты!)
Письма, что когда-то нам писали
Девы несравненной красоты.

И пускай за дверью бродит холод, —
Погрущу у печки, при огне,
И спую, что был когда-то молод
И гулял по Северной Двине.

ДМИТРИИ УШАКОВ

Родился в г. Няндоме Архангельской области в 1932 году. Вскоре вместе с родителями переехал в Архангельск, где окончил в 1950 году среднюю школу и затем автотехническое училище. В 1957 году он поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, который окончил в 1962 году. Член Союза писателей.

В 1959 году в Архангельском книжном издательстве вышел первый сборник стихов Д. Ушакова «Иду к тебе». Здесь же в 1964 году издана вторая книга «Север — любовь моя». В этом же году в Казахском республиканском издательстве выпущен третий поэтический сборник «Не ради почестей».

Я право свое предъявляю на Север,
Я с теми, кто лес корчевал поутру,
Кто гати гатил и озимые сеял,
Кто невод рыбацкий тянул на ветру.

Мой след не затянут болотною ряской,
Напрасно кукушка разлуку сулит,
Я лентой полярных ветров опоясан,
Студеной волной океана омыт.

В крови моей искры полярных сияний,
А песни о северном крае просты...
Не смогут меня отдалить расстоянья
От нежно-суровой его красоты.

ВЬЮГА

Через Двину по ледяному насту
Она, совсем нежданная, пришла
И, спящий город злобно заграбастав,
Ударила в свои колокола.

Заохала, заухала, завыла,
В печные трубы нороя попасть;
Далекое созвездья погасила,
Сугробами повсюду разлеглась.

Звенели стекла от ударов в рамах...
Тревожен сон под вьюжную гульбу,
Наш грузный дом поскрипывал упрямо,
Подняв во мгле, как перископ, трубу.

Начало утра по часам проверив
И чувствуя тяжелый стон земли,
Уходим мы, с трудом откинув двери,
Достраивать на верфях корабли.

Нам руки жжет огонь электросварки
И сталь, что раскалилась докрасна...
Стихает вьюга. Но бушует жарко
Гремящая рабочая весна.

МОИ ПРАДЕДЫ

По дощатым настилам
ходили
работные люди Петра.
Мастера,
да какие еще мастера!
Тугоствольные сосны
цвета меди
слоили они и секли,
смоль варили
да шили
Быстролетные корабли.
Не от браги —
от счастья
хмелели глаза.
Все белели,
белели
над Двиной
паруса.
Паруса — как качели!
Вверх и вниз — парусам!
И штурвалы, как чаши,
пошли по рукам...
После будут историй
тома да тома,
на морях-океанах
России грома —
Черноморский,
Балтийский,
иные флота...
А пока — лишь Двина,
да волна,
да простор,
да топор, что остер,
да пила, что остра,
да в ночи мастера,
мастера у костра!

Весело!
Весело!
Ветром глотка забита...
Палуба стругана,
мачты — как вехи.
Вот он,
в угрозу и шведам,
и бриттам,
первый фрегат корабельного
века.
Будет Россия под парусами!
И посветлеют родные моря!
Сами пилили,
стругали сами,
сами оттачивали якоря!
Сами!..
Века прошумели грозно,
где они,
люди работные те?
Петр над Двиною,
закованный в бронзу,
на пьедестальной
стоит
высоте.
Где мои прадеды?
Время пристало
песни о них и былины
сложить,
всех их поставить
на пьедесталы,
в бронзе
их громкую славу
отлить!

Любит девушка штурмана,
Да боится воды.
Ходит улицей шумною
В ожиданьи беды.

Мимо мола и пристани
Ходит взад да вперед,

НА РОДИНУ

Разлилась река озером,
Озеро — с океан!
Чайка над водой — козырем!
А перевозчик — пьян.

Поднесу ему водочки,
Что-нибудь закусить:
— Лодочник мой, лодочник,
Милый, перевези!

Ты же — кавалер ордена,
Пасовать тебе — срам!
За рекой моя родина,
Родина моя там!

Лодочник потрянул космами:
— Ехать? Вот в такой дождь?
Носит вас лешак веснами!..
Просишь — утоплю, что ж! —

Лодочник меня выручит,
Выполнив и свой каприз;
Лодку на волне выкачнет
И — кувырком — вниз.

Меряться с волной силами
Самая не пора...
Но волна нас милует.
Лодочник и сам рад.

Лодку подтянул к берегу
Старый, как юнец, резв.
Вещи передал бережно,
Хмелю — ни в глазу: трезв!

Шапкой помахав издали,
В зыбкую уплыл жуть...

А передо мной выстали
Ели, преградив путь.

Чемодан с земли подыму,
Хохотнет в кустах дрозд:
Мне еще идти до дому
Около восьми верст.

Лугом не пройдешь — водяно.
Лесом — засосет грязь...
Родина моя, родина!
Надышусь тобой всласть.

Ращу, пасу
Красну ягодку в лесу.
Всякую погодушку
Я теперь люблю:
Радуюсь солнышку,
Дождики хвалю.
Дождик идет —
Моя ягодка растет.
Солнышко греет —
Моя ягодка зреет...
А люди говорят:
— В лесу ягод не хранят,
В лесу ягод не паси —
Что найдешь — домой неси!
Люди-то в лес-от с кузовьем бегут!
Ягодку кистями, с листьями рвут!
Сыплют в кузовье глубокое
А ягодка-то — белобокая...
Я всех завидных слезно молю:
— Люди, не троньте радость мою!
Дайте ей, маленькой, вырасти,
Прежде чем рвать да домой нести!
А люди на своем:
— То и наше, что сорвем!
Обираем все подряд —
В лесу ягод не хранят!

...Пусто, тоскливо стало в лесах.
Ягодку люди жмут в туесах.
Только она не идет им впрок,
В горлах завидных встает поперек —
Ай да ягодка!

СВИДАНИЕ

Вот какая стужа к вечеру —
На печи страшно запеченам!
Лют мороз — берез догрыз,
Принялся за ребра изб.
Говорила мама: — Доченька!
Не ходи из дому к ночи-то! —
А я двери — деготьком,
Да на улицу — тайком,
Да бегом по-за поленнице,
Ведь сегодня воскресеньце!
Юбка с утра наутюжена —
Дождать ли чая-ужина!
...Дверь не выдала — не скрипнула.
Мать не видела — не вспыхнула.
Побежали мои валенки —
Скрипы-скрипы! — в гости к Аленьке.
Где-то там, в середине волока,
Ходит, мерзнет возле елок он,
Терпеливо дожидается,
Ожиданьем согревается.
Скрипы-скрипы, мои валенки!
Добежали... где же Аленька?
В тишине непотревоженной
Небо лесом огорожено.
В облаках луна дурачится —
То покажется, то спрячется.
Подожди, луна, не прячься-ко!
Посвети-ко, не дурачься-ко!
Дай, взгляну вокруг попристальной —
Не спешит ли милый издали?
Али где с пути не сбился ли?
За кустом не затаился ли?
Нет, не бывано, не хожено,
На сугробах снег ровнешенек.

Вся дорога перевьюжена...
Зря я маму не послушала.

Ты давно пытался выпытать,
Давно хотел узнать,
Что такое мною выпито,
Что мне мешает спать.
Пред тобою я чиста-бела,
И вся моя вина —
Я не выпила, не выпила,
Не выпила вина.
А чтоб не слыть гордыней-важенкой,
Людей не обижать,
Подсластила губы браженькой
Из медного ковша...
Оказалась не простой она,
Та брага, на беду,
На меду была настояна,
На чистом на меду...
Я тебя ищу, тебя ищу,
Когда мне нелегко,
Я тебе пишу, тебе пишу,
Когда ты далеко.
Я тебе верна, тебе верна,
Как милые верны,
Коль не дует ветер с северной,
Родимой стороны,
А как потянет ветер сиверко,
Закружится снежок,
Подлиннее припаси аркан,
Покрепче бадожок.
Убегу — кричи по имени,
Все блага обещай!
Да лови меня, лови меня,
С дороги возвращай!
Та дороженька не близкая,
И вся дорожка та
Горьким горюшком повыстлана,
Слезами залита...

Только мне она, дороженька,
Дороже всех дорог...
Там живал один хорошенький,
Веселый паренек.
Ничего с меня не требовал,
И мне не обещал,
Лишь из ковшика, из светлого
Той брагой угощал.
Для него-то, для хорошего,
Ни капли не скорбя,
Не воротишь — позаброшу,
Позабуду я тебя.
Оказалась не простой она,
Та брага, на беду,
На меду была настояна,
На чистом на меду.

СЕНОКОС

Широка-долга
Луговина —
Ни дорог на ней,
Ни тропинок!
Десять верст —
Ни мало ни много! —
С одного конца
До другого.
На одном стога
Подпирают,
Косы на другом
Отбивают...
Возле озерка,
Где сморода,
Возле ивняка,
Где прохлада,
Как — того не ведая
Сами,
Гребеи сошлись
С косарями.
Стал широкий луг
Будто тесен,

Тут не разойтись,
Не деваться...
Девушек-гребеюшек
Десять,
Косарей-парней —
Чуть не двадцать!
Приближались — ряд
Против ряда,
Поднимали — взгляд
Против взгляда.
Повстречались — ох,
Не случайно!
Темно-голубой
С цветом чайным.
Голубой-то вдруг
Посинеет,
Чайный-то в ответ
Посветлеет...
И остановилась
Работа
От того случайного
Взгляда
Возле озерка,
Где сморода,
Возле ивняка,
Где прохлада...

Я в лесу была сегодня
И с ведром, и с топором,
Но топор мой не был поднят,
Дело кончилось добром.
Воротилась я под крышу,
Лег топор в свое гнездо,
Но и дома ясно слышу
Этот лепет, этот вздох —
Обреченный и печальный,
Беззащитный и родной
В тот момент, когда случайно
Я приблизилась к одной
Из весенних трех березок,

Трех подружек трех сестер —
Тело бело, ноги босы...
Не поднялся мой топор.
Я стояла рохля рохлей
Перед жизнью, светлой столь,
Что и в горле пересохло,
И утихла в сердце боль...
Не умею быть жестокой,
Резать, ранить, убивать,
И березового сока
Мне, конечно, не пивать.
...Я воды из талой лужи
Близ березок напилась,
И была она не хуже,
Чем березовая сласть.
Надо мной — ветвей качанье,
Еле слышный вздох лесной —
Облегченный, изначальный,
Благодарный и живой.

ОЛЬХА

Еще снег лежит,
И река тиха.
Над рекой в тиши
Зацвела ольха —
Средь других дерев
Нелюбимая,
Нелюбимая,
Нелюдимая...
Кто когда из нас
Ту ольху берег?
Кто принес-припас
Для ольхи серег?
...Золотит пыльца
Черноту ветвей...
Где же зеркальце —
Посмотреться ей?
— Еще нет тепла,
Еще в ночь мело,
Нету зеркала,
Не оттаяло.

Я пойду, пойду
На содом, содом!
Я по льду, по льду
Колону колом!
Кол не сломится,
Лед расколется,
К полынье ольха
Принаклонится.
Оглядит себя
С недоверием
С головы до пят,
Сзади, спереди:
Говорят, суха,
Говорят, плоха,
А ведь ты, ольха,
Хороша, ольха!
Мудрено ль уметь
В общем хоре петь?
Велика ли честь
В теплом мае цвести?
Ты тиха, скромна,
А цветешь одна.
Это соло-то —
Чисто золото!

**ВИТАЛИЙ
ФРОЛОВ**

Родился в 1927 году в Эссентуках Ставропольского края. Окончил в 1950 году авиационное училище. Сейчас живет в Архангельске.

В 1962 году в Архангельском книжном издательстве вышел первый сборник его стихов «Сердцем с тобой». Вторая книга «Глоток неба» издана в Архангельске в 1966 году.

МОЙ ДРУГ УХОДИТ В ВОЗДУХ!

Чехлы долой!
Горят на крыльях звезды.
Сверкнул, как лемех плуга,
острый киль.
Дрожит земля—
мой друг уходит в воздух,
сметя турбинами
с бетона пыль.
Прочертит белый след
на небосклоне,
как борозду...
И, завершив полет,
как пахарь,
тыльной стороной ладони,
ступив на землю,
пот со лба
смахнет.

ПАРАШЮТ

Как в робе он — в брезентовом чехле.
Всегда с тобой в заоблачных маршрутах
Обняв по-русски крепко на земле,
Не бросит в воздухе тебя ни на минуту.
И если вдруг мотор в полете смолк —
Секунда отделяет смерть от жизни —
Рвани кольцо — чистейший белый шелк
Из-за плеча в родное небо брызнет.
Он, прочный купол парусом надув,
По-дружески всегда призыву внемля,
К тебе, как руки, стропы протянув,
Опустит бережно на землю.
Когда в пути ты попадешь в беду
И жизнь с тобою обойдется круто,
Ты только позови — и я приду
На помощь безотказней парашюта.

**БОРИС
ЧУЛКОВ**

Родился в Вологде в 1932 году. Здесь окончил среднюю школу, а затем учился в Ленинградском институте иностранных языков. После окончания его снова вернулся в Вологду.

Писать стихи Борис Чулков начал еще в школе, но впервые они появились в печати в 1957 году. Первая книга стихов Б. Чулкова «Щедрый дождь» вышла в Вологде в 1960 году, вторая — «Яблоко от яблони» — в 1963 году, третий сборник «Погода века» — в Северо-Западном книжном издательстве в 1966 году.

С 1964 года Б. Чулков — член Союза писателей.

Видишь — ивы входят в речонку,
В опрокинутые небеса;
Видишь — ветер, упругий и звонкий,
Клонит желтую спину овса;
Видишь — тропка бежит через клевер
В чуткий шелест берез и осин —
Это Север, родной твой Север,
Что на целой земле — один...

Представь людей былой эпохи:
Имея силушку былинную,
брались прапрадеды за сохи
и поднимали ширь целинную.

А в праздник — с радости ли, с грусти,
на мир смотря глазами юными, —
брались прапрадеды за гусли,
простые ящики со струнами.

И лишь когда к священным градам их
враги с мечами подступали, —
за тяжкий меч брались прапрадеды
и не корили, а карали!

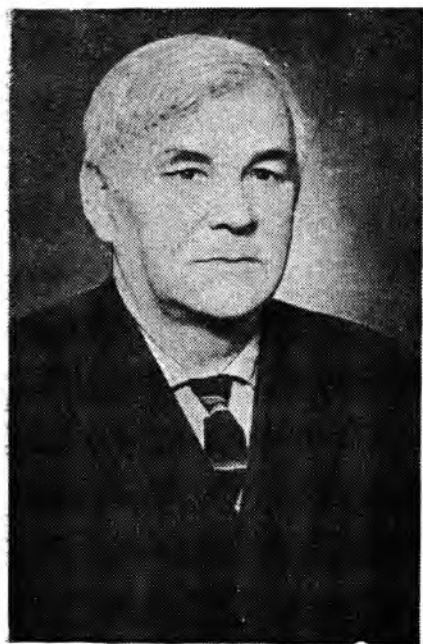
ОДА ВОЛОГДЕ

Врезают полночь то и дело
Гудки далеких поездов.
Он спит, накрытый ночью белой,
Один из русских городов.
Он здесь стоит, мужая, строясь,
Не стар на долгие века,
И поперек его, как пояс,
Блестит спокойная река.

Вода не мчит, не убегает
Куда-то за город, в кусты.
Вода стоит и отражает
Дома, и баржи, и мосты...
Одной ногой почти в июле,
Весь в оперении весны,
Он спит, раскинув руки улиц,
И безмятежно смотрит сны.
Он спит, но завтра он проснется
И сбросит ночи забытьё;
Он спит, но завтра он возьмется
За дело верное свое.
По жилам всем его польется
Поток машин, одежд и лиц...
С кем схож он? — спросят.
Мне сдается,
Не с величавостью столиц,
Не схож он, нет, и с южным Сочи,
Что грузной грудой фруктов горд.
Он горд, что он простой рабочий,
Что труженик,
А не курорт!

Хлебозавод особо уважаю:
там в воздухе не запах — аромат.
Лишь мимо прохожу — и вспоминаю,
как я бывал здесь много лет назад.
Тогда мальчишкой шел я через город
сюда, где долгожданный хлеб пекут,
ведь в двери к нам тогда стучался голод,
костляв и лют.
Как часто, приходя, вдыхал я этот
ржаного хлеба теплый аромат.
Хотелось завернуть его в газету
и взять домой, где мать, сестра и брат.
Теперь мы хлеб не так высоко ценим,
как в те неизгладимые года,
но этот запах для меня священен —
и навсегда.

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

Родился в 1903 году в деревне Пирогово Плесецкого района Архангельской области.

В 1918 году добровольно пошел в Красную Армию. Во 2-м сводном Архангельском артиллерийском дивизионе 18-й стрелковой дивизии участвовал в боях под станцией Емца, под Обозерской, под Турчасовом. В 1920 году с 1-й стрелковой дивизией ушел на Южный фронт против Врангеля. В 1925 году окончил Одесскую артшколу береговой артиллерии и служил в Кронштадте командиром взвода.

Стихи начал писать и печатать с 1924 года.

Первая книга А. Чуркина «Выход весны» издана в 1931 году. Многие стихи из нее были впоследствии положены на музыку композиторами И. Дунаевским, И. Держинским, В. Соловьевым-Седым, Г. Носовым. После этого А. Чуркин в основном работал над созданием песен. Недавно в Ленинграде вышла новая книга стихов и песен А. Чуркина.

ПЕСНЯ О РОССИИ

На вольных просторах
В бескрайних разливах
Синеют озера,
Колышутся нивы.

От Волги до Братска —
Огни золотые, —
Все это Россия,
Все это Россия.

Омыта морями,
Лесами одета,
Ты ленинским светом,
Отчизна, согрета.

Повсюду звенят
Голоса молодые,
Ты слышишь, Россия.
Ты слышишь, Россия.

Еще предстоят нам
Заботы, тревоги,
Большие свершенья,
Крутые дороги.

Но ленинский свет
Над землей не погаснет,
И все это счастье,
И все это счастье.

Мы все одолеем,
Отчизна, с тобою,
Богаты мы русской
Широкой душою.

За ленинский свет,
За огни золотые —
Спасибо, Россия,
Спасибо, Россия.

СЕВЕРЯНЕ МОИ, СЕВЕРЯНЕ

Запевай, беломорская вьюга,
В полный голос запевку свою.
Я сильнее горячего Юга
Белоснежный мой Север люблю.

Помню с детства узорные сани
И на крышах резные коньки.
Северяне мои, северяне,
Дорогие мои земляки.

Так приветно в туманном просторе
Путеводная светит звезда.
В час, когда отправляются в море
На добычу рыбацьи суда.

На крутых берегах вечерами
В новых селах горят огоньки,
Северяне мои, северяне,
Дорогие мои земляки.

Хороши здесь на Севере весны,
Льется воздух медово-хмельной.
И склоняются гордые сосны
Над широкой, как песня, Двиной.

А на взморье рассветною ранью
Мореходов маня маяки.
Северяне мои, северяне,
Дорогие мои земляки.

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Споемте, друзья, ведь завтра в поход—
Уйдем в предрассветный туман.
Спьем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

Припев

Прощай, любимый город
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья.

Припев

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:

Припев

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

С годами память не забывчива
И я в хорошей дружбе с ней.
Ушел от лирики размывчивой
На плеса юности моей.

Где по весне луга поемные
Скрозь покрывают берега,
На них встают зелено-темные
Тысячетонные стога.

Где в лес недалний за волнушками
Девчата сыплют босиком,
С такими милыми веснушками,
С таким распевным говорком.

Они, задиристые, юные,
Трунят легонько надо мной:
— Ты вон какой...
А мы-то думали—
По песням вроде молодой.

Мне с ними хорошо беседовать
В знакомых с юности местах,
Смеясь, о том о сем посетовать,
О их любви, о их мечтах

Мне здесь душой остаться хочется,
Глазами впиться в синеву,
Мой верный стих на месте топчется,
Как конь, почуявший траву.

Хочу я слиться с юной порослью,
Что вверх пробилась и взошла.
Зачем жалеть былую молодость,
Когда другая расцвела.

**ВАРЛАМ
ШАЛАМОВ**

Варлам Шаламов родился в 1907 году в Вологде. Здесь прошли его детские и юношеские годы.

Теперь В. Шаламов постоянно живет в Москве. Стихи его печатаются с 1932 года.

ОДА КОВРИГЕ ХЛЕБА

Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.

Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.

Пускай в кадушке тесной,
Пьянея в духоте,
Поищет это тесто
Исхода в высоте.

Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.

И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленая в жаре,
Коврига золотая,
Подобная заре.

КАМЕЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов, и мужчин,
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.

И чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

АРКТИЧЕСКАЯ ИВА

Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешить
Жить здесь, как птица, как человек,
Если решила жить.

Жить — значит, в талую землю успеть
Бросить свои семена.
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.

ЛИЛОВЫЙ МЕД

Упадет моя строка,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек —
Путник одинокий.

И мешая грязный пот
С чистотой слезинки,

Осторожно соберет
Крашенные льдинки.

Он сосет лиловый мед —
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретае каждый раз
Равновесие движенья
Без распорженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сберечь
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабывшие давно, —
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

СТАРАЯ ВОЛОГДА

Медлительная Вологда...
Столетия и дали
Тащили город волоком,
В оврагах рассыпали

Предместьями, посадами
Бросали на дороге
С глухими палисадами
Еловые чертоги.

Жила когда-то грезами
О Вологде-столице,
Каприз Ивана Грозного —
Как сказка о Жар-птице.

А впрочем, вести веские
О царском разговоре —
Магическими фресками
В стариннейшем соборе.

Когда-то слишком пыльная,
Базарная, земная.
Когда-то слишком ссыльная
И слишком кружевная.

Поэзия — дело седых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна,
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия — вызревший плод
И белое пламя седин.

ФЕДОР ШИРШОВ

Родился в 1924 году в деревне Ширшово Устьянского района Архангельской области в семье учителя. Среднюю школу окончил в Архангельске. Отсюда во время Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт.

После войны учится в Московском полиграфическом институте, работает в редакциях архангельских газет.

Впервые стихи Ф. Ширшова опубликованы в «Пионерской правде» в 1939 году. В 1959 году в Архангельске вышел сборник его стихов «Всем сердцем». Песни Ф. Ширшова исполняются Государственным Северным русским народным хором.

— А мне — фонариком...
— Мне в сережку на поле аленьком...
— Нет ли темненького, не маркого?
— А мне, милая, яркого, яркого...
Течет толпа говорливая,
Шуршит шелками, сатинами.
А дочкины руки ловкие
Снуют и снуют с метровкой,
Взбивая то зорьку, то радугу,
Кидаясь цветов каскадами,
Взор восхищая и радуя,
Одаривая с любовью:
Пожалуйста, то, что надо вам,
Носите, мол, на здоровье.

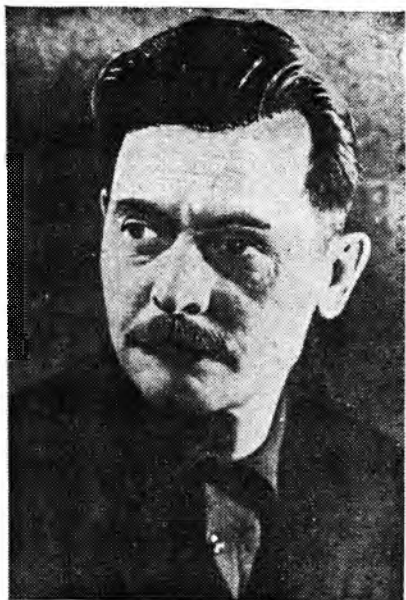
ПЕСНЯ

Весна цветет,
Ликует каждой веточкой,
А в сердце
Все метелит грусть-тоска:
Ну хоть бы слово мне,
Ну хоть бы весточку
Прислала милая издалека.

Не довелось нам
Счастья, видно, удержать,
От глаз чужих
Его не сберегли.
Когда бы ведать-знать,
Где ту беду нам ждать,
Мы за версту ее бы обошли.

В саду черемуха
Бушует белая,
Стучится,
Ломится в окошко вновь.
Какою мерою
Теперь я меряю
Свое раскаянье, свою любовь!..

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Александр Попов-Яшин родился в 1913 году в деревне Блудново Вологодской области.

Окончил Никольский педагогический техникум, работал учителем в Чебсарском районе. В 1932—1933 годы был председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей.

В 1933 году переводится на работу в Архангельск. В 1935 году переезжает в Москву, где заканчивает Литературный институт имени А. М. Горького.

Писать начал с детства. Первая книга стихов «Песни Северу» вышла в Архангельске в 1934 году, вторая — «Северянка» издана в Москве Гослитиздатом в 1938 году. А через два года Гослитиздат выпускает его повесть в стихах «Мать».

С первых дней Великой Отечественной войны А. Яшин на флоте. Он удостоен шести правительственных наград. Стихи военных лет, вошедшие в его сборники «Красная Гора», «На Балтике было», «Город гнева», объединены в книге «Земля богатырей».

В последующие годы выходят его сборники «Стихи разных лет», «Стихотворения и поэмы», «Советский человек», «Избранное», «Три поэмы», «Свежий хлеб», «Годы жизни», «Совесть», «Босиком по земле».

А. Яшин — лауреат Государственной премии.

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес
И все лесом,
Да лесом,

Где в затонах озер
Лебединые крепи,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да суметы по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случилось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз

И олени,
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи, правда, невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,

Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным:
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все
Нежным и просторным,
Добрым словом — Вологда — зову.

Жизнь большая в дебри входит властно,
Волока — и те меняют вид.
Мы ко всем делам страны причастны:
Спутник и над Вологдой летит.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

ПУГОВКА

В доме окраинном при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припоминая.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрую кепкой хлестнул по колену,
Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Перепугалась я: пуговики нет!..
И отпороть от жакетки решила
Да толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговики были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньше потерта.

За полночь все распрощались с ним.
Пуговики Ленин моей не заметил.
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:
Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...

Сердце мое забилося,
Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резную достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало!

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал,
Что пуговка-то моя пришита.

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечером
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношенный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновой.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милого заждалась,
Стала думать всякую напраслину,
Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную.

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запружена.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку с суженым.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худо славиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так,
Нас водою не разлить бы с женами.

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу,
Словно в юности по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскую веет силою
От большой без колец руки.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая —
Как на родине побывать.

ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал —
Рассказывает мать —
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика -
От смерти б спас,

Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...
Спешите делать добрые дела!

ПРИСКАЗКИ

Бабушке Авдотье Павловне Поповой

1

Метель вертела землю. Падал снег
То хлопьями,
То мелкий, бесноватый.
Все чаще деревянные лопаты
Прокладывают к низким окнам свет.

Чуть прояснится —
Скрипнет журавель,
Возьмут воды хозяйки из колодца,
И вновь сорвется с привязи метель,
И над лесами снова рев несется.

В такие дни закрыты все пути,
И хорошо в одном доме собраться,
Курить, да сеть артельную плести,
Да песни петь — они всегда в чести! —
С мечтой и шуткою не расставаться.

— Теперь бы нам бы чудо-сапоги,
Ковер летучий, да коня-савраску,
Коня такого, чтоб сказал: беги! —
И ни тебе дороги, ни пурги,
Хоть до Москвы —
Ни холода, ни тряски.

— Авдотьюшка,
Давай, родная, сказку!

И, продвигаясь за сосновый ствол,
Довольная,
Что вновь ее почтили,
Авдотья начинала;
— Жили-были...

А снег все шел.
И мужики курили.

2

Медведь лежал на берегу реки,
Лениво лапой рыбу выгребая,
И свежевал ее и ел.
Живая,
Широкая, зажатая в клыки,
Хлестала рыба зверя по глазам,
Рычание разносилось по лесам.

Охотники подкрались с трех сторон.
Договорились: чтоб не портить шкуры,
Стрелять лишь двум.
Но не таков был бурый:
Лишь за семь пуль расстался с жизнью он.

Уже впотьмах спешили к шалашу.
К огню, к вину, к медвежьему борщу.

Тайга уснула.
В темные лога,
На просеки плашмя упало небо.
За мясом рысь пустилась,мышь за хлебом,
Сова за мышью...
Ожила тайга.

И до чего ж была пестра, остра
Охотничья побаска у костра!

3

Девушка спустилась под откос
С золотой косой густых волос.

Под косынку косу убрала,
На стальную косу налегла
Да прошла береговой косой
По зеленой по траве с косой,
Полосой прошла не раз, не два —
Прослезилась росой трава.

Далеко от дома сенокос,
Для бригады надо хлеба воз;
Две недели надо спать в лесу,
По утрам сбивать с травы росу,
В полдень сено теплое грести —
Ведренной поры не упустить.
Ночью отдыхает молодежь —
Но без сказки разве отдохнешь?

У лесной избушки дым и гам.
Лягут косари у очага,
И тайга замрет, и дым замрет:
Все глядит седому деду в рот.
Складно врет в делах бывалый дед:
Лыко в строку —
Слово слову вслед.

И пойдут по лесу лешаки,
Опираясь на кушаки,
Вилами азямы повязав,
Ноги в руки,
На ремень глаза,
Дальнюю дорогу на плечо...
Дед их знает всех наперечет.
Машут в соснах лешаки кольем...

Было все.
Да поросло быльем.

Все заснут, придвинувшись к костру,
Лишь не спит бывальщинка в бору.
Складная, как песня на пиру,
Носа не просунуть комару.

4

С новой запевкой на Новый год
Девка на лавке веревку вьет.
Косы у девки до полу, до пят,
В ковте булавки-головки горят,
Брошка на ковте, пуговики в ряд,
Цветики на ковте...
Добёр наряд!

А вьюга по окнам ставнями бьет,
В ров за деревней набит сунет,
Снег повсюду — не видно дров,
И вовки воют у самых дворов.
Гавкают собаки, боров ревет...

А девка на лавке веревку вьет,
Вережку вьет да припевку поет,
Припевку-запевку
На Новый год.

«Вейся-повейся, крепка, ловка,
Вейся, свивайся на смерть вовкам.
Справлю обновку, взамуж пойду —
На эту веревку лиху беду,
Чтобы свекровка была не зла,
Чтобы золовка была не в козла,
Чтоб не терять мне девичью статью,
С милым в ладу годов не считать,
Чтобы от сдобных печных пирогов
Духом парным распирало кров.
Вейся ж, свивайся...»

А вьюга ревет.
Девка на лавке веревку вьет.

5

Так по суземам Юга и Двины
И в клубах новых,
И в домах старинных,
Окуренные на века в овинах,
Живут поныне сказки и былины,
Бывальщины,
Побаски старины.

Они, как взлет натруженной мечты,
Как дым костра, пьянят и согревают...
Все лето
По всему родному краю,
Набрякшие, скрипя, плывут плоты.

И на любом — необходим, как свет,
И обожаем, словно бог удачи, —
Артельный сказочник, кудесник дед
На весь сезон подряжен и оплачен.

Игольчатая, с блестками свинца,
Струит Двина просмоленные воды,
Плывут плоты при всякой непогоде,
Им нет конца.
И сказке нет конца.

Она шумит, как в ясный день тайга,
Течет рекой, то солнечной, то мглистой,
В узорчатых,
То низких, то скалистых,
Травой и мхом расшитых берегах.

Я до утра порой не мог заснуть
У бабушки.
Чего в тех сказках нету!
День наступал. Душа тянулась к свету.
Наставь, родимая, на светлый путь!

ВЕСЕННЕЕ

Я даже сна лишился, я тоскую.
А это значит, что в родном краю,
В родных лесах тетерева токуют,
Медведь берлогу развалил свою

И вышел в чащу, разминая плечи,
И жмурится —
Вокруг еще бело.
Он, верно, ждет со мною новой встречи,
Держа клыки и когти наголо.

И я зажмурюсь и услышу ясно
И сосен стон густой,
И взлет стрижа.
Запахло мхом и ягодой..
Напрасно
Меня ты хочешь дома удержать.

Поедем вместе к волокам сосновым,
В малинники, в морошковый завал,
К кудесникам,
К никольским звероловам,
Где даже Пришвин, верно, не бывал.

Пройдем пешком тропинкою лесною
К живой воде,
К былинному ключу.
Зверья боишься?
Сладившей со мною,
Какой медведь тебе не по плечу?!

Раскинем полог у начала сказок,
Чтоб их целебным воздухом дышать.
Охотничьи побаски и рассказы
Из мертвых, верно, могут воскрешать.

Котомки сами просятся на спины.
Уже сквозь стены проникает свет...

Далеко где-то зацвели рябины
За Вологдой,
А мне покоя нет.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Баренец		
Беломорье		7
Леонид Беляев		
В лесу		9
Эмилия Бояршинова		
Приглашение в Лименду		11
Говори мне разные слова		12
Сергей Викулов		
Оглядываюсь с гордостью назад		14
Начать бы так стихотворенье		15
После войны		15
Доска почета		17
Русские сказки		18
Осень в березовой роще		19
Дорога		20
Анатолий Гусев		
Россиянин я!		27
Я по земле легко шагал		—
Валерий Дементьев		
Вы видели, как умирали саперы?		30
Обычно к ночи вызывал комбат		—
Олег Думанский		
Сторонка корабельная		32
Николай Журавлев		
Озеро Лаче		34
Поморы		—
Виктор Киселев		
Корабельная роща		37
Эхо		38
Виктор Коротяев		
Идут груженые машины		40
Река работала, как лошадь		—
Матери рожают не солдат		41
Валентин Кочетов		
Маяки		43
Корабли умирают в муке		—
Белыми письмами		44
Золотица		—
Поморская слава		45
Поле Любленое		46
Расцвела зима яблоневым цветом		47

Герман Крутов	
Семга идет!	49
Горняки	50
Северный ветер белый	51
Павел Кустов	
Резьбой украшен дом	53
Белое море	54
Родники	55
Николай Кутов	
Как гора с большого расстоянья	57
Ручей	—
Озеро	—
Богини	59
Анатолий Лёвушкин	
Белая ночь	61
Ходят волны могучим маятником	—
Норд-ост	62
Лоцман	64
На белом море — волны беглые	65
Чудо	—
Непрядва	66
Василий Ледков	
Бескрайняя равнина	69
Солнца руки золотые	70
Край земли. Далекое селенье	71
Иосиф Леонидов	
Погудка про лопату	73
Во вселенной все как полагается	74
Тайна	—
Николай Леонтьев	
Мать-Печора	77
Печорянка	78
Сказка о ковре	79
Иван Молчанов	
Есть на Севере...	83
Песнь о Северной Двине	84
Дьяков Петр	86
В море Баренца	88
Путешествие в юность	90
Владимир Мусиков	
России сын	92
Синичка	—
Цветы	93
О родном городе	94
Осень на Двине	95
И гранитные скалы имеют свой век	—
Сердце сокола	96
Стефан Недзвецкий	
Кий-остров	99
Борис Нелеин	
Песня часового	103
Анатолий Ольхон	
Призыв к трем стихиям	106
Семен Дежнев	—

Сергей Орлов	
Приснилось мне жаркое лето	110
Руками, огрубевшими от стали	111
Атака на рассвете	112
Его зарыли в шар земной	—
После марша	113
Тишина	—
Дергач	—
Жеребенок	114
Курортники	115
Алексей Пичков	
Русскому брату	117
Олени спят, их чуткий сон недолог	118
Огонь сухой кустарник лижет	—
Бегут олени, словно стрелы	—
Виктор Прохоров	
Злые люди песен не поют	121
Александр Романов	
Вологда моя	123
По воле нашего парткома	—
Ровеснику	125
Тревога	—
Дионисий	128
Ель	129
В автобусе ехала женщина	130
Судьба несладкая — вдовья	131
Николай Рубцов	
Тихая моя родина!	133
Жар-птица	134
Видения на холме	135
Осенняя песня	136
Михаил Скорородов	
Не хочу, чтоб жилось легко мне	139
Рейс «Авроры»	—
Небо	140
Камнеломка	141
Подсолнух	142
Василий Соколов	
Здравствуй, земля моя, где якорями	141
На Олонке	—
Счастье	145
Георгий Суфтин	
Сила любви	147
Ветер весны	149
Сумятица света	150
Аркадий Сухарев	
Московское время	153
У плотины	151
Лесорубы	155
На закате	156
Новоселье	157
Алексей Трапезников	
Дома	159
Монтеры	—

Николай Тряпкин	
Я живу у холодного моря	163
Белая ночь	164
Аргиш	165
Хорошо, когда забродит холод	—
Дмитрий Ушаков	
Я право свое предъявляю на Север	168
Вьюга	169
Мои прадеды	169
Любит девушка штурмана	170
Не привезу я лилий северных	171
Ольга Фокина	
На родину	173
Рашу, пасу	174
Свидание	175
Ты давно пытался выпытать	176
Сенокос	177
Я в лесу была сегодня	178
Ольха	179
Виталий Фролов	
Мой друг уходит в воздух!	182
Паращют :	—
Борис Чулков	
Видишь, ивы входят в речонку	184
Представь людей былой эпохи	—
Ода Вологде	—
Хлебозавод особо уважаю	185
Александр Чуркин	
Песня о России	187
Северяне мои, северяне	188
Вечер на рейде	—
Встреча с юностью	189
Варлам Шаламов	
Ода ковриге хлеба :	192
Каменя :	—
Арктическая ива	193
Лиловый мед	—
Память	194
Старая Вологда	195
Поэзия — дело седых : :	—
Федор Ширшов	
Признание	197
Оленька	—
Песня :	198
Александр Яшин	
Запасаемся светом	200
Москва — Вологда :	201
Пуговка	202
Заречная красавица :	204
Что-то есть в тебе очень хорошее	206
Добрые дела	—
Присказки :	207
Весеннее :	211